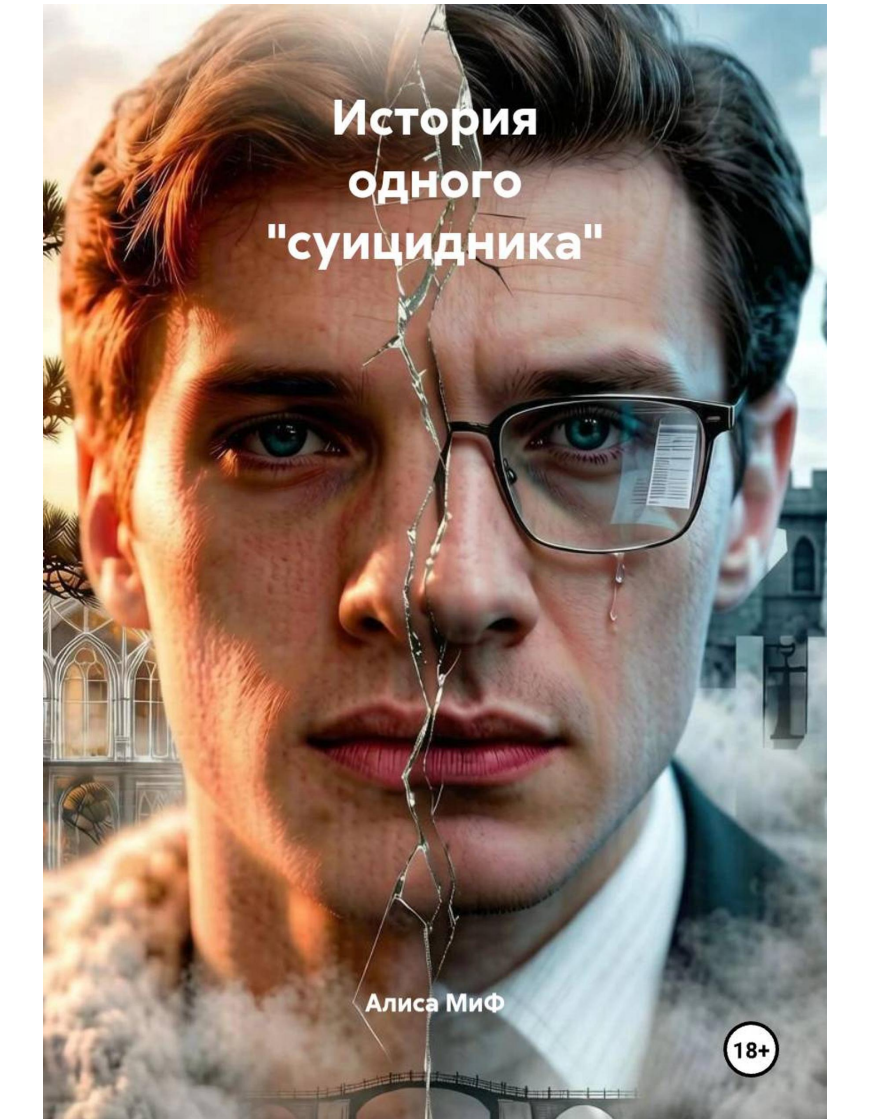

A close-up portrait of a young man with light brown hair and blue eyes, wearing black-rimmed glasses and a dark suit with a white shirt. A vertical crack runs down the center of his face, from his forehead to his chin. A single tear is visible on the right side of his face, below the glasses. The background is a collage of images: a sunset on the left, a gothic building on the right, and a bridge at the bottom. The title is written in white Russian text across the top.

История одного "суицидника"

Алиса МиФ

18+

Алиса МиФ

История одного "суицидника"

<https://litres.ru/73927533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два с половиной года комы и полная пустота. Он очнулся в больничной палате, не помня своего имени и прошлой жизни. Память стёрта, а тело сковано параличом. Окружающие твердят: то падение с моста было его собственным, трусливым выбором. Его обвиняют в слабости, лишая права на правду. Но Алекс не верит. Единственной связью с реальностью становится имя, выбранное наугад, и двое незнакомцев — медсестра Леночка и сосед Стёпка, которые заново учат его жить. В пустой голове пульсирует лишь одно слово — «Свобода». Он отчаянно пытается вспомнить холодный ветер, вспышку и ускользающую тень на краю моста. Ему предстоит пройти этот путь с самого дна, сквозь лабиринт чужой лжи и расколотые осколки семейных тайн, чтобы узнать: что на самом деле произошло в ту роковую ночь на краю бездны? И если свобода была так прекрасна, почему сейчас она так похожа на одиночество?..

Содержание

Этим всё началось или закончилось?	4
Имя?	9
Время, вера, надежда...	14
Свобода, ты ли это?	18
Внешние накопители, или где хранится наша утраченная память	23
Мои переживания и сомнения	28
Настоящий я?	33
Маленькие воспоминания	38
Жизнь после смерти	46
Моё личное пространство	49
Альянс	54
Ложные отражения	60
Запах прошлого	65
Хрустальная тишина	69
Скрежет	73
Горький хлеб	77
Зелёная планета	81
Убивец	84
Чужая планета	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

История одного "суицидника"

Этим всё началось или закончилось?

Началось всё с того, что я почувствовал, что я есть, что я существую. Сложно объяснить словами, но ощущение, что до этого меня не было и вовсе. Уже некоторое время я слышал звуки, но не мог открыть глаза, а может просто не понимал как это сделать. Некоторое время звуки казались одинаковыми и не имеющими смысла и значения. А точно ли я существую? Что же я такое слышу и почему ничего не вижу?

Время шло и звуки, постепенно, начинали различаться. Ещё позже начали превращаться в голоса... И вот, спустя какое-то количество времени, я смог открыть глаза. Что-то слепило меня. Что же это, такое тёплое? Свет из окна согревал мою щёку... Я не понимал, что я вижу. Вокруг туман? И вдруг я увидел силуэты, которые всё суетились и окружали меня со всех сторон. Что это за существа? И чего они так суетятся? Это были люди в белых одеждах. Они что-то говорили, то обращаясь ко мне, то между собой. Меня часто трогали и светили мне в глаза. Один из этих людей постоянно

загораживал мне обзор и говорил, будто обращаясь ко мне, какой-то вопросительной интонацией...

Как же это всё странно... Что-то явно пошло не так... Но как мне понять, что же именно?

Кто я? Кто все они? Что я здесь делаю? Может я завявший цветок и меня просто пытаются пересадить?

Вдруг стало темно и я заметил, что свет из окна меня тоже больше не греет... Странно. Так темно. Как мне закрыть глаза? Я всё лежу и смотрю на белую стену повисшую надо мной... Я даже не могу повернуть голову, чтоб посмотреть в другую сторону или просто осмотреться. Мысли крутятся в голове, но они все какие-то пустые. Я многое не понимаю сейчас. Даже не уверен понимаю ли я себя... Темное пространство казалось слишком пустым, каким-то ненастоящим... Стена иногда освещалась какими-то полосами и снова становилась тусклой и пустой. Мне очень страшно. Что со мной происходит?

Свет вокруг снова загорелся. Кто-то ко мне приближался. И тут надо мной появился силуэт. Кажется это была женщина в белом одеянии. Она смотрела на меня и что-то мне говорила. Странно, я не понимаю вообще ничего, но уверен, что обращаются именно ко мне. Из окна постепенно начал появляться свет и очень медленно заполнял собой пространство в котором я находился. Свет на стене, которая была надомной, вдруг погас. А, понял, света из окна хватало, чтоб заполнить пространство вокруг и искусственный свет уже был

не нужен.

Я начинал понимать всё больше и больше, хоть на это и уходило очень много времени. Я обратил внимание, что смог понять, что это была женщина, а ведь раньше не понимал, что это за люди... Ещё ранее вообще не понимал, что эти силуэты вообще люди.

Женщина в белом халате снова подошла ко мне. Она смотрела на меня, прямо в мои глаза и вздыхала. Потом пыталась мне что-то сказать... Точнее говорила... Но я не понимаю... Вообще ничего не понимаю... Как же это сложно - ничего не понимать...

Я снова вижу только потолок. В мыслях хаос... Пытаюсь что-то понять, но пока понял только про потолок... И мне очень плохо, от того, что не понимаю ничего... Хаос и боль захватили мои мысли. Страх пульсировал в моей голове и не давал мне покоя. Словно ком из мыслей бился в моей голове и пытался вырваться наружу. Это продолжалось некоторое время, я думал, что схожу с ума или уже сумасшедший ... Но тут вернулась эта женщина.

- Вы меня видите? Слышите? - Всё с той же печалью в голосе произнесла она - моргните 2 раза, если слышите меня.

Да, я не ошибся, я понимаю, что она говорит! Я очень рад! Надо срочно ответить, но ... Как? Я не мог никак отреагировать. Моя радость была только внутри и я никак не понимаю, как её показать снаружи. Попытался пошевелить глазами, повернуть голову... Всё безуспешно. И тут вдруг меня

осенило. Глаза, точно! Вот только проблема, пошевелить я ими не могу, но может закрыть получится? После некоторых усилий мне удалось закрыть глаза, а вот открыть их оказалось ещё сложнее. Ещё раз закрывать их не хотелось, но женщина с такой надеждой смотрела на меня, после первого раза... И я смог. Ещё раз открыв глаза, я увидел, как женщина сильно изменилась в лице, отвернулась от меня и закричала.

- Доктор, доктор, он реагирует! - она произнесла эти слова так громко, что была слышна хрипота в её голосе, - Доктор, скорее сюда!

- Что, пришёл таки в сознание? - голос мужчины издавался откуда-то совсем близко, и я даже обрадовался, что по голосу смог понять, что это говорит мужчина. - Как самочувствие? Сестра, сообщите опекуну, что он пришёл в сознание.

- Но доктор, разве Вы не знаете, что у него, ну... - Сестра явно была встревожена, но договорить до конца она не смогла.

- Идите, обсудим это позже. - сказал доктор и подошёл ко мне, - Зрачки реагируют! Вы понимаете, что я говорю? Моргните, если понимаете.

После света фонарика очень сложно моргнуть, но я постарался и всё же вышло сделать это 2 раза.

- Очень хорошо, отдыхайте, - сказал доктор и исчез из моего поля зрения вслед за сестрой.

Они ещё что-то говорили между собой, но я уже слышал только звуки их голосов и удаляющиеся шаги. Впервые мне

захотелось самому закрыть глаза и поспать. И как я вообще до этого не закрывал глаз?

Закрыв глаза я почувствовал какую-то пустоту внутри... Почувствовал, что мне чего-то очень не хватает... Что-то, что я чувствовал совсем не давно, но теперь это чувство где-то не здесь. Я пытался понять, что это за ощущение, но пока, кроме как слово Свобода, другие слова мне в голову не приходили...

Я должен это узнать! Просто обязан! Да и кто такой вообще этот Я? Вот что я должен понять в первую очередь!

Не знаю сколько времени потребовалось на все эти раздумья, но, когда включился свет в помещении, я понял что уснул, пока думал об этом.

- Сестра... - это мой голос? Кажется я и вправду что-то произнёс. Надо собраться и попробовать ещё раз. Собрал в себе по больше сил я напрягся и как можно громче попытался повторить, - Сестра...

Имя?

Когда я смог произнести своё первое слово, возникли странные ощущения... Я вдруг почувствовал, что на лице моём есть что-то инородное, липкое и мешающее дышать. Очень хотелось это убрать, но руки не слушались, лежа на пододеяльнике как две бледные сухие ветки. Я ещё несколько раз пытался позвать сестру, но из горла вырывался лишь сиплый хрип. Меня никто не слышал... Точнее, я так думал.

Вдруг над кроватью возникло улыбающееся лицо мужчины.

— Значит, ты всё же не немой, — сказал он, хихикнув.

— Да. И не иностранец! — произнес другой голос откуда-то рядом.

Я не мог ответить. Слова застревали в горле — то ли связки ещё не слушались, то ли шок оказался сильнее воли.

— Я Степан, можешь звать меня Стёпка, — похлопав себя по груди, сказал мужчина. — А тот — Филипп, просто Фил. Но его можешь не запоминать, его выпишут на днях, а я с тобой тут надолго!

Стёпа снова хихикнул и отошел. Раздался резкий звонок. Мне показалось, что я вздрогнул всем телом, хотя на самом деле лишь едва повел плечом. Двери палаты открылись.

— Степан, что случилось? — взволнованный голос сестры послышался совсем рядом. — У вас снова судороги?

— Не, Леночка, я позвал вас к этому... безымянному, —

я кожей почувствовал, как он указывает на меня пальцем. — Он вас звал.

Сестра подошла ближе. Теперь я видел её уставшее лицо и круги под глазами — видимо, она давно не спала.

— Сестра... — я произнёс это как можно чётче. Захотелось столько всего спросить, но силы внезапно покинули меня, а веки стали тяжелыми, словно налитые свинцом. Я изо всех сил старался не отключаться, но сознание предательски соскальзывало в темноту.

Там я снова чувствовал то, чего мне так не хватало. Свобода. Холодный ветер, свистящий в ушах, и невесомость, от которой сладко замирало сердце. Мимолетная вспышка, яркий кадр, но я никак не мог понять, откуда он берется. Как мне вспомнить, что это было за место? И чья тень мелькнула там, на самом краю моего видения?

— Безымянный, ты ещё спишь? — шепнул мне в ухо Стёпка. Я неожиданно проснулся. В палате пахло лекарствами и хлоркой. — Фил нас покинул, теперь мы вдвоём! — сосед хихикнул, но лицо его вдруг стало очень грустным, непривычно серьезным.

— Что с ним случилось? — я так удивился этой резкой перемене в нём, что заговорил прежде, чем успел подумать. Ощущение чего-то лишнего на лице пропало, я наконец почувствовал, как открываю рот и шевелю челюстью.

— Да норм всё, выписали его, — Стёпка был ошеломлён моими словами не меньше меня. — Сейчас Леночку позову.

Он нажал на кнопку, и снова раздался звонок.

— Что, Стёп, он пришел в сознание? — с порога спросила сестра, быстро приближаясь ко мне.

— Да, он заговорил! — кажется, Стёпка радовался этому больше, чем я сам.

Сестра посмотрела мне в глаза. Я уже приготовился к слепящему свету фонарика, но его не последовало.

— Сестра, что со мной? — неуверенным голосом спросил я.

— Знаете, мне нужно задать вам несколько вопросов, — она явно не хотела отвечать прямо, это было написано у неё на лице. — Как ваше имя? Она смотрела прямо мне в глаза и что-то записывала в блокноте карандашом.

— Имя? Имя сестра, я не знаю своего имени... И, честно говоря, пару дней назад я даже не знал, что я человек.

Меня не задел её вопрос, но он заставил серьёзно задуматься. Даже у собак есть имена. Почему я не знаю своего? Я же явно не только что родился... Но я не могу шевелиться и не знаю, кто я. Это что, мой конец?

— Не нервничайте так. У вас ретроградная амнезия. Возможно, это временно, и вы всё вспомните. Это не самая большая ваша проблема, — сестра тяжело вздохнула, подбирая слова. — Вы перенесли серьёзную операцию. Часть вашего тела навсегда может остаться парализованной.

— Я не могу шевелиться из-за этого? — мой голос задрожал.

— Не только. Вы были в коме последние два с половиной года.

Два с половиной года... Фраза эхом отозвалась в пустой голове. Я попытался пошевелить пальцами ног, но ничего не произошло. Под одеялом была тишина. Страшная, ватная тишина. Мир за окном жил, менялся, а я просто отсутствовал.

— Полгода назад вас отключили от искусственного жизнеобеспечения, но вы начали восстанавливаться сами, — продолжала сестра. — Это сложно было предсказать. За последние шесть месяцев ваш организм почти полностью вернул способность дышать самостоятельно. Теперь вам нужно заново учиться пользоваться руками и остальным телом.

— А имя? Как же мне без имени? — в этот момент меня это волновало больше всего. — Неужели я так и останусь Безымянным?!

— Не переживайте. Мы постараемся вам помочь, чтобы память вернулась как можно скорее. Но для этого расскажите доктору всё, что вспомните и почувствуете. Сестра говорила так уверенно, что я невольно ей поверил.

— Да, конечно, я всё расскажу.

— Я думаю, он Лёха! — вдруг заявил Степан с полной уверенностью. — Ну или Алекс.

— Мне нравится Алекс, — задумчиво произнёс я. Это имя не вызывало воспоминаний, но оно было как чистый лист.

— Ну вот и решено! Пока не вспомнишь — будешь Алексом! — почти прокричал Степан радостным голосом.

Сестра улыбнулась и одобрительно кивнула.

— Ну что ж, тогда с этого момента, Алекс, вас ждут упорные тренировки. Скорее восстанавливайтесь, доктор Анатолий о вас позаботится. Он расскажет, что и в каком порядке нужно делать. Также вы можете обращаться ко мне. Сейчас уже поздно, доктор придёт к вам завтра.

— Спасибо, сестра.

Свет погас. В палате стало тихо, только из коридора доносились приглушенные шаги и отдаленный писк медицинских мониторов. На улице и правда уже стемнело. Я уставился в потолок, пытаясь осознать тяжесть собственного неподвижного тела.

— Доброй ночи, Алекс! — Стёпин голос звучал совсем сонно.

— Ага, и тебе доброй.

Но уснуть было непросто. Я — Алекс? Это теперь моё имя? Теперь оно у меня есть? Что ж, Алекс так Алекс. Это гораздо лучше, чем быть Безымянным. Я закрыл глаза, надеясь, что этой ночью в моем сне про свободу наконец появится чье-то лицо.

Время, вера, надежда...

С утра ко мне пришел доктор. Ничего хорошего я от него так и не услышал. Никто не знал, кто я и как оказался в таком состоянии. Единственное, что мне оставалось — ждать. Анатолий Олегович, Степан и Елена, сестра нашего отделения, — все меня поддерживали. Они твердили, что это временно, что память вернётся и я смогу вести полноценную жизнь. Я улыбался им, соглашался и даже верил. Иногда. Вот только каждую ночь мысли не давали мне покоя.

Время шло. Я снова научился разговаривать и даже без особых усилий шевелить головой: поворачивать, кивать и приподнимать её над подушкой. Эти маленькие победы казались огромными, пока я не вспоминал, сколько всего еще предстоит. А потом Стёпку выписали. — Алекс, братан, не грусти! — почти прокричал он, собирая свои нехитрые вещи, — я буду часто тебя навещать. Мы ведь теперь друзья, правильно?

— Конечно, Стёп. Только не приходи слишком часто, дай отдохнуть от тебя! — попытался пошутить я, хотя в груди уже начинало ныть от подступающего одиночества.

Мы посмеялись. Он по-дружески хлопнул меня по плечу, взлохматил волосы и вышел. Как только дверь за ним закрылась, в палате стало мрачно и уныло. Со Стёпкой было шумно, суетливо, но... живо. Теперь я считал минуты до его сле-

дующего визита.

Стёпка и правда держал слово — приходил пару раз в неделю. Спустя пару месяцев мне даже разрешили прогулки. Он катал меня в кресле по больничному парку, показывал деревья, птиц, сады и заборы. Самым красивым видом для меня стали лучи солнца, струящиеся как ручейки сквозь верхушки деревьев и медленно опускающиеся на пруд. Всё это было чудесно, но каждую ночь я чувствовал острую боль в груди от понимания: то самое чувство я, возможно, не испытаю никогда. Где же она, моя Свобода?

Я сдружился с Леночкой. Она стала «выгуливать» меня в те дни, когда Стёпка не приходил. Она всегда была мила со мной и со временем даже начала мне нравиться. Лена и Стёпка дали мне веру и надежду на светлое будущее. Они стали для меня настоящей семьёй.

Реабилитация была мучительной. Я и не ожидал, что будет так больно впервые поднять руку хотя бы на миллиметр. Ох, знали бы вы, как это было тяжело! Но я наконец достиг прогресса. Мои руки, пусть и не полностью, начали двигаться. Я скоро, совсем скоро смогу есть сам! Даже не знаю, верю ли я в это до конца, но очень надеюсь, что чудо произойдет.

В один из дней я сидел в парке, смотрел на кроны деревьев и снова думал о той Свободе. Становилось ветрено, деревья шумно сбрасывали листву. Леночка как раз уходила со смены.

— Алекс! — она приближалась со спины, и я её не видел.

— Алекс, Вы слышите меня?

Она подошла вплотную и села на корточки, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

— Лена, — я улыбнулся. — Домой идёшь? Посмотри, как же тут красиво!

— Красиво, конечно, но вам нельзя простывать! Возвращайтесь внутрь.

— Стёпка должен прийти, уж очень хочу его здесь дождаться... Пожалуйста, можно мне ещё немного подождать?

— Как? Он ещё не приходил? — Леночка удивленно вскинула брови. — Странно. Уже поздно, часы посещения скоро закончатся, его просто не пустят. Может, на работе задержался? Не переживайте, он придёт завтра.

Она положила свою ладонь поверх моей.

— Смотри, какая рука ледяная! Давай быстро греться.

Она сделала строгое, но с толикой притворной обиды лицо. Я не выдержал и засмеялся. Она встала и взяла коляску за ручки.

— Так, всё, идём внутрь! У меня завтра выходной, не вздумай разболеться, пока меня нет рядом!

— Спасибо, Леночка. Ты такая заботливая.

На сердце стало тепло от её слов. Но я тут же осадил себя: это ведь просто её работа. Обычная человеческая жалость.

Она довезла меня до палаты, снова взяла за руки и ободряюще улыбнулась.

— Всё будет хорошо, Алекс. Поправляйся, и я сама позову

тебя на свидание!

Она задорно подмигнула, отпустила мои ладони и направилась к выходу.

— До встречи, Алекс, не грусти!

Дверь закрылась. И вот я снова один — в этой огромной, пустой и в то же время невыносимо тесной, душной палате.

Тишина давила на уши. Почему Стёпка не пришёл? Он никогда не опаздывал. Говорят, время лечит. И что вера может превратить надежды в реальность. Но почему тогда это странное ощущение преследует меня такой острой болью в груди? Свобода... Если она была настолько прекрасной, что ради неё стоило потерять всё, то почему сейчас она так похожа на одиночество?

Свобода, ты ли это?

Гром. Вспышка молнии озаряет палату. Я открываю глаза и понимаю, что весь промок от пота. Кажется, снилось что-то не очень приятное. На руке у меня всегда болтается кнопка вызова персонала, но сейчас, кажется, ещё глубокая ночь. Опять вспышка, яркая молния. Я зажмурился, ожидая грохота, но гром прогремел глухо — гроза уходила вдаль.

Нет, так нельзя, мне нужно переодеться. Странно, но рука не слушалась, я не мог даже нащупать кнопку. Я поднял голову и посмотрел на свои пальцы. Они мелко и сильно тряслись. Вдруг мне стало нехорошо, голова пошла кругом, комната поплыла. Перед глазами возникли странные картинки: «Руки куда-то тянутся, какой-то шум в ушах, всё трясётся, и вдруг — чей-то удаляющийся крик...»

— Как Вы? Слышите меня? Видите что-то? — мне снова светили в глаза фонариком, проверяя реакцию зрачков. — Алекс, Вы меня слышите?

Да, я понял, это был Анатолий Олегович. Но почему он здесь? Разве сегодня его дежурство?

— Да, я слышу, — каким-то хриплым, едва различимым шепотом произнес я.

— Как Вы нас напугали, Алекс! Как вы себя чувствуете? — я посмотрел на источник другого голоса. Нет, мне не показалось, это была Леночка.

— Сестра, а вы?.. — сил не осталось, и я снова отключился.

Я почувствовал лучи солнца на лице. Приоткрыл глаза и увидел нечто странное. Опять больничный потолок, опять маска на лице, куча проводов и капельница, которую как раз меняла Леночка.

— О, Вы очнулись! Я позову Анатолия Олеговича. Минутку, — она поправила трубку и вышла за дверь.

Пока я был один, попытался сообразить: что это было? Почему Леночка и Анатолий Олегович снова в больнице? Я ведь точно помнил, как они оба уходили на выходной... Меня снова подводит память?

Вскоре они вернулись. Что-то долго обсуждали, записывали в журнал, но я не слушал. Я просто лежал и думал: неужели с моей памятью снова что-то не так?

— Алекс... Алекс? — знакомый голос проникал мне в сознание.

— Что? Эм... Где я?

Происходило что-то странное. За окном было уже темно, в палате горел свет. Рядом стояла Зоя Ивановна, старшая сестра отделения. Никакой маски на мне не было, катетер не воткнут в руку.

— Вы сильно вспотели. Что-то произошло? Как вы себя чувствуете? — она пристально смотрела на меня, явно ожидая ответа.

— Зоя Ивановна, я в норме, просто... А что произошло?

Где сестра Леночка? И Анатолий Олегович? Они вышли?

— Алекс? Ты точно хорошо себя чувствуешь? Сейчас выходные. Леночка привезла тебя с прогулки и ушла домой. А Анатолий Олегович сегодня, после ночной смены, еще с утра покинул больницу...

Я посмотрел ей в глаза и понял, что она всерьез встревожена моими вопросами.

— А, точно... Кажется, я задремал перед грозой и что-то попутал, — я выдавил смешок, надеясь, что это не вызовет подозрений.

— Хорошо, давай помогу сменить рубашку, — Зоя Ивановна вздохнула с облегчением.

Переодетый и напоенный теплым чаем с медом, я наконец остался один. Если всё, что было до этого, мне приснилось, то что это вообще было? Я думал над этим всю ночь, наблюдая за сполохами молний вдали. Настало утро, и ночные кошмары начали сглаживаться в памяти. Медбрат и дежурные сестры помогли мне спуститься на улицу, и я поехал на своём неказистом кресле в парк. Там я снова собирался ждать Стёпку.

Лужицы блестели на асфальте, мокрые листья шумно шелестели на ветру. На небе было облачно, но лучики солнца всё так же струились сквозь кроны и плавно опускались в засыпанный листвой пруд. Я медленно проехал по мостику — это был мой первый раз, когда я сам уехал так далеко. Я хотел дожидаться Стёпку на самом мосту, но руки не смогли

долго удерживать колёса, а поставить кресло на стопор я пока не умел...

Коляска покатила вниз. Склон был не слишком крутой, но кресло быстро набирало скорость. Я хотел схватиться за поручни, но внезапно почувствовал какое-то знакомое ощущение и замер... Да. Это оно. Это была Свобода. То, чего мне так не хватало.

Мои глаза сами собой закрылись, внутри всё замерло в предвкушении. Но всё не могло закончиться так хорошо. Коляску сильно болтало, и в какой-то момент она перевернулась. Возможно, колесо попало в ямку или наехало на кочку. Меня это не волновало. Я лежал на газоне, уткнувшись лицом в сырую траву. По щекам текли слезы. Похоже, это были слезы счастья. Я был безумно счастлив, лежа здесь с ползающим жучком на щеке.

Через какое-то время прибежали медбратья. Они усадили меня в другое кресло и повезли в больницу, что-то крича и спрашивая на ходу. Но моё счастье не позволяло мне ничего слышать.

Меня осмотрели, обработали царапины и уложили в койку. И тогда я понял: Свобода — это полёт. Как же я раньше не понял? Я должен лететь. Я находился в свободном падении всего сотую долю секунды, но моё тело не могло обмануться. Я был уверен! Свободное падение и было тем ощущением, которого мне так не хватало.

Оставалось лишь несколько вопросов: как и когда я испы-

тывал это раньше? Почему я так жажду этого чувства? И почему это — единственное, что я помнил, когда очнулся?

Внешние накопители, или где хранится наша утраченная память

Ещё пару дней я не выходил из палаты. Видимо, старое кресло сильно повредилось при падении, но и желания особого не было... Всё время смотрел в окно и думал, думал, думал...

Царапины уже зажили. Врачи постоянно осматривали меня, возили на рентген и томографию. Похоже, всерьез переживали, что я что-то сломал. Настал день, когда Леночка вышла на работу. У неё был полный завал, но она часто заглядывала ко мне и спрашивала, не нужно ли чего. Сразу видно — переживает. А у меня было дикое желание поделиться с ней тем ощущением «полета»... но я не понимал, стоит ли ей вообще это знать. Размышления о случившемся то и дело выводили меня из себя. Как мне найти ответы на вопросы, которые не давали покоя?

— Алекс!!! — Стёпка замахал рукой прямо перед моим лицом.

Я невольно заморгал и очнулся от своих мыслей.

— Ты что, прикалываешься? Я уже минут десять тебя зову! Стою тут, понимаете ли, распинаясь перед стенкой, а он игнорит меня... Фу таким быть!

Он комично надулся и сложил руки «бантиком» на груди.

— Привет. Прости, я где-то в себе в последние дни... Не хотел тебя обидеть.

— Да ладно, — он улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— А я тут не один.

Стёпка усмехнулся и отошел чуть в сторону.

— Что это? Ты зрение повредил при падении? — подколот он, указывая на дверной проем.

Там стояло оно. Самое крутое кресло, о каких я только слышал. На объемных колесах с мощным мотором. На подлокотнике блестели кнопки и джойстик для управления этим «автомобилем». Кресло было огромным, с глубокими мягкими подушками — такое сложно перевернуть.

— Стёп... оно же капец какое дорогое. Ты банк ограбил?

— Ну что, круто? Нравится? Идём гулять! — Стёпка светился от радости, разве что не прыгал.

— Но...

— Никаких «но»! Что, я не могу сделать подарок своему братишке?

— Это же огромные деньги, Стёпа. Откуда они у тебя?

— А я не говорил? Я вообще-то не последний человек в этом городе. Да и не такое уж оно дорогое, только ждать пришлось долго...

Стёпка долго возился со мной, объясняя значение каждой кнопки, пока я учился садиться в этот агрегат. К вечеру мы всё же выбрались на прогулку.

— Как думаешь, Стёп, я когда-нибудь что-то вспомню? —

глядя на его задумчивое лицо, я решился уточнить. — Ну, то, что было до больницы... Кем я являюсь на самом деле?

— Хм, думаю, когда-нибудь вспомнишь... Но знаешь, я считаю, что бывают вещи, о которых лучше не вспоминать. Может, твой мозг намеренно прячет эти воспоминания, потому что они слишком болезненные?

— Если хочешь — значит, вспомнишь.

У Стёпки стал такой серьезный вид, что со стороны могло показаться, будто он злится. Но он вдруг улыбнулся.

— Братишка, я считаю, что воспоминания не всегда хранятся в нашей голове. Иногда они вокруг нас.

— Что это значит? — я реально не понимал его слов.

— Вот смотри. Человек живёт долгую жизнь, так? В его голове не может уместиться всё до мельчайших подробностей. Со временем многое забывается. Но есть предметы, которые хранят эту память. Память как бы не внутри нас, а снаружи. Понимаешь?

— Вообще-то не очень.

— Закрой глаза. Вот представь: ты маленький мальчик, мама поёт тебе колыбельную. Представил?

— Ну, вроде. И что?

— Так вот, ты стал взрослым мужчиной. Забыл всё это давным-давно. Но что-то в твоей жизни пошло не так, ты заболел, остался один. И тут ты видишь вещь — например, начинаешь обнимать старую подушку и вспоминаешь, как мама гладила тебя по голове. Теперь понял?

— Не совсем. Причем тут мама?

— Да как же... Ну смотри: у кого-нибудь умер близкий. Все воспоминания со временем тускнеют, но стоит только увидеть связанную с ним вещь, как они нахлынут сразу.

— А для этого обязательно кто-то помереть должен?

— Да нет же, блин! Как до тебя достучаться? Даже если все живы, но в памяти стерты какие-то куски — они всё равно хранятся в вещах, окружавших нас!

Я запутался окончательно.

— Стёп, ты уверен, что всё понятно объясняешь?

— Я сдамся после ещё пары попыток... Ты реально непробиваемый! Наш мозг — как компьютер. Когда ты контактируешь с внешним миром, в этот компьютер вставляется «съёмный жесткий диск». Эти накопители лежат потом отдельно, рядом. А вот на встроенном диске память постепенно заканчивается, и мозг стирает ненужные файлы. Но память никуда не исчезла — нужно просто найти тот самый «диск», на котором всё сохранено.

— Ты уверен? И как найти нужный «диск»?

— А вот этого я не знаю. Память — штука тонкая. Иногда предметы хранят определенные образы в самых неожиданных местах.

Мы ещё немного постояли на закате, глядя, как сквозь золотые листья деревьев угасает солнечное пламя. Стёпка помог мне вернуться в палату. Он договорился с врачами, и ему разрешили переночевать вместе со мной на свободной

кушетке. Мы молча лежали, глядя в потолок. Кажется, нам обоим было о чем подумать. Свет в больнице погас, а я всё думал об этих «дисках» и о том, где искать свой.

Мои переживания и сомнения

Луна ярко светила в окно. Свет от неё падал мне на лицо. Я вздохнул.

— Не спишь, что ли? — слегка хрипловатый голос Стёпки с соседней кушетки привел меня в чувство.

— А сам чего не спишь?

— Да вот, думаю. Хотел тебе кое-что рассказать, но не знаю, как и с чего начать... — теперь вздыхал уже Стёпка.

— Ну так и не думай. Либо рассказывай, либо забей.

— Всё у тебя просто... Хорошо, наверное, жить, ничего не помня.

— Прости. Просто всё так сложно. Я даже завидую тебе, что ты потерял память, — он снова вздохнул. — Иногда даже хочется оказаться на твоём месте...

— Не перегибай. В этом вообще ничего хорошего. Ни имени настоящего, ни родных, ни семьи, ни друзей...

— Эй, а я? Я тебе что, не друг?

— Да я же не об этом... Просто странно. Столько времени прошло, а меня даже никто не ищет. Может, у меня и вовсе никого не было?

— Я искал, — вполголоса прошипел Стёпка.

— Что?

— Ничего. Я просто устал. Спать пора уже. Давай с утра поговорим?

— Стёп, серьезно, я услышал! В смысле — ты искал? Меня искал? Ты знал меня раньше? Стёп? Стёпа! Степан!

Но ответа я так и не дождался. Быстро же ты спящим прикинулся... Стёпка продолжал наигранно сопеть в подушку. Что ж, с утра не отвертится! Я ещё недолго думал о «дисках», потом вспомнил о Свободе и резко уснул. Не знаю как именно это произошло: будто и не засыпал, но внезапно включился свет и пришла медсестра.

— Алекс, доброе утро. Давай градусник поставлю. — Это была не Леночка, а одна из интернов. Она поставила мне градусник и собралась уходить. — Ах да. Бумаги нужно подписать будет. Как Степан вернётся, скажи ему зайти к врачу.

— Какие бумаги?

Но не успел я спросить, как её кто-то позвал в коридоре. Так, стоп, когда Стёпа успел уйти? Я повернул голову в сторону кушетки и увидел, что бельё на ней аккуратно сложено. Вот ведь, удрал, зараза. Пока я думал о Стёпке, интерн вернулась за градусником.

— Позвольте забрать прибор.

— А где Леночка?

— Её срочно вызвали на собрание. Кажется, какой-то инцидент случился в выходные. Хотят закрыть парк для посещения. А если и разрешат — только в сопровождении медперсонала. Короче, по часам гулять будете.

— А что случилось-то?

— Ой, подробностей я не знаю. Нас, интернов, в такое не

посвящают. Но я слышала, что кто-то из ВИП-пациентов мог пострадать. Там серьезные люди грозят иском.

Странно всё это. Я был в парке в выходные, но никого не видел. Точно... я же катился с закрытыми глазами! Может, я кого-то чуть не сбил? А вдруг сбил, и именно из-за столкновения перевернулась моя коляска? Думать об этом было неприятно.

— Ну, мои руки, покажите, на что вы способны! Зря я, что ли, столько занимался?

Я оперся на локти и попробовал сесть. Это оказалось сложнее, чем кажется. Почему именно у меня не получается? Несколько попыток — и всё напрасно. Кроме рук и головы, остальные части тела по-прежнему не слушались. Мне очень хотелось сесть, но руки были слишком слабы. Я нажал на кнопку, и в палату заглянула та же сестра-интерн.

— Чем-то помочь? — прощепетала она.

— Помогите мне сесть, пожалуйста. — Я улыбнулся ей как можно милее, но она лишь нахмурилась.

— Может, я лучше выключу свет, а вы ещё поспите?

— Я прикован к постели... Вы правда думаете, что я не выспался за это время? — я пытался выглядеть обиженным, но это не помогло.

— Извините, но у вас есть кнопка на пульте, вы можете поднять изголовье кушетки сами, как вам удобно. Отдохните еще! У вас много процедур сегодня. Как врач освободится — обязательно к вам зайдет.

Она погасила свет и вышла. Да что за день сегодня такой? Я приподнял спинку кушетки и посмотрел на свои ноги. Что же со мной случилось? Может, всё-таки рассказать Стёпке об инциденте в парке? О своих ощущениях и про свою Свободу? Я больше не мог держать это в себе, но сомневался, что Стёпка сегодня придет — ведь он ушел, так ничего и не сказав ночью.

Чуть позже пришел доктор. Меня осмотрели и направили на физиотерапию. Врач поднял с моего кресла какой-то клочок бумаги и помог мне пересесть. Затем протянул этот листок мне. Это оказался вырванный листок из блокнота, сложенный в несколько раз. Я развернул его и прочитал: «Алекс, сорян, срочно вызвали, вечером буду!»

Я был удивлен — не думал, что он решит приехать. Но еще удивительнее было то, что я без труда прочитал написанное. Значит, я умею читать? Да, звучит забавно. Но на одном из сгибов я заметил другую надпись: «Meeting with an investor at a New York hotel».

Я мгновенно понял, о чем речь: «Встреча с инвестором в нью-йоркском отеле». Неужели я знаю иностранный язык? Может, это совпадение? Или я просто предположил?

Я долго размышлял над этим, пока был на процедурах. После занятий мне разрешили не ложиться, и я ездил в кресле по коридору туда-сюда, ожидая Стёпку. На пути встала та самая сестра-интерн. Она смотрела на меня строго и приотпывала ногой.

— Уважаемый, почему не соблюдаете покой?

— Сестра, какой покой? Я что, кому-то мешаю? — спросил я без тени иронии.

— Вы что, совсем ничего не понимаете? Быстро возвращайтесь в палату! А то...

— А то что? — мне даже стало интересно.

— Я нажалуюсь вашему опекуну!

— Кому? — я был в недоумении. — Какому еще опекуну? У меня нет никого! Чего вы мне тут угрожаете? Смешно даже!

— Ха, придумали тоже. Конечно, у вас есть опекун! Быстро в палату! — её лицо выражало такую ехидную улыбку, что я не нашелся, что ответить.

Она укатила мою коляску в палату. Я всю дорогу не мог поверить... У меня есть опекун? И как я столько лет лежал в больнице, и никто его не видел? Почему он ни разу не пришел? Я ведь давно очнулся! Где же скрывается этот таинственный опекун?

Я сидел и смотрел в окно. Смеркалось, а Стёпка так и не приходил. Я начал засыпать. Кажется, Леночка помогла мне лечь в кровать. Слишком много всего происходило в моей голове. Тренировки вымотали меня. Сквозь сон я слышал чьи-то голоса и думал о том, как хочу поделиться своими сомнениями со Стёпкой, Леночкой... да хоть с кем-то. Подошла бы и сестра-интерн, не будь она такой суровой.

Настоящий я?

Непослушные лучики солнца согревали мою щёку. Я приоткрыл глаза и повернул голову к стене. Странно, даже не помнил, как прошел утренний обход. Ну, надо потихоньку учиться садиться. Мышцы на руках начали ныть — видимо, им совсем не хотелось напрягаться. Попытки сесть самому так и не увенчались успехом. Тогда я решил переползти на кресло, которое стояло рядом. И тут снова полный провал... Я не мог даже опереться на руки. С чего это я вдруг решил, что смогу сползти на него? В итоге пришлось нажать на кнопку вызова.

— Здравствуй, Алекс, — Леночка, как и всегда, очень мило улыбалась. — Что-то болит?

— Леночка, золотце, помоги мне на кресло перебраться, пожалуйста. — Я неловко улыбнулся.

Она помогла мне сесть и принесла завтрак. Есть совсем не хотелось, но я решил не спорить и съел всё, что она принесла.

— Стёпка не приходил? — дожевывая остатки, прочавкал я.

— Приходил. Он ночевал у тебя в комнате. Ты не видел его? — Леночка была так искренне удивлена, что мне стало неловко.

— Ах, я спал, а он, видимо, решил меня не будить...

— Ничего, он сегодня тоже придёт, так что увидите. А

сейчас пора на процедуры.

День шел своим чередом: тренировки, обед, сончас, полдник... Стёпки всё не было. В коридорах стояла пугающая тишина, которая меня сильно напрягала. Прошел день, за ним другой. Каждое утро Леночка говорила, что Стёпа заходил ночью, но я его так и не видел. Я старался не засыпать допоздна, но усталость всегда брала своё.

Настала пятница. С утра Леночка сказала нечто такое, от чего мои глаза чуть не выскочили из орбит.

— Стёпка заберёт тебя на выходные. Тебе полезно побывать на природе, к тому же здесь пока гулять в парке не разрешают. — Леночка была невозмутима. — А ты не рад? Стёпка всю неделю оформлял бумаги у главврача, чтобы тебя можно было забрать.

Я не знал, что и думать. Почему он мне этого не сказал? Разве так можно? Я был просто в шоке от услышанного.

— Не переживай. Завтра с утра ты поедешь с ним. Наверное, он был сильно занят, раз приходил только поздно ночью. Но он всегда присматривает за тобой. Не волнуйся!

— Да это понятно, просто неожиданно. Я ему доверяю, Леночка, просто удивлён. — Я попытался её успокоить, заметив, что она начала бледнеть от волнения.

— Ну и славно! — Она снова улыбнулась. — Только не опоздай на терапию, времени на отдых почти не осталось.

Она ушла, а я вздохнул. В голове был бардак. Я доехал до кабинета физиотерапии, но он был закрыт — тренер опаз-

дывал. Поехал по коридору назад, всё так же размышляя о предстоящем разговоре со Стёпкой. Сам не заметил, как оказался на лестничной клетке.

Первая мысль была безумной: а не попробовать ли скатиться по ступеням? Но металлическая дверца ограждения была закрыта. И тут через перила я увидел лестницу, уходящую вниз. Сам того не осознавая, я схватился за поручни и попытался подтянуться. Руки подводили, но желание посмотреть туда, в пространство между лестницами, было непреодолимым. Я стал одержимым. Это ощущение заставляло меня тянуться к краю, чтобы снова почувствовать Свободу.

Руки напрягались до предела, но я не мог даже приподняться с кресла. Сзади раздался голос, но я был словно зомбирован спуском вниз. Не слышал криков, не чувствовал, как моё кресло пытаются откатить назад. Моя хватка оказалась сильнее, чем я думал: коляска откатилась, а я, вцепившись в перила, сполз с неё и остался висеть на руках над пролетом.

Вдруг я почувствовал, как кто-то меня обнял. Это было как холодный душ. Я услышал, как Леночка плачет — и это привело меня в чувства.

— Алекс, Алекс,пусти! Умоляю тебя,хватит! — она причитала мне в самое ухо. Плечо моё стало влажным от её слез. — Прекрати сопротивляться!

Хватка ослабла, и я рухнул в её объятия. В голове был бар-

дак, перед глазами всё плыло. Я не мог разглядеть медперсонал, когда меня усаживали обратно. Куда-то подевалась Лёночка... Меня привезли в палату и уложили в кровать. Я заснул под тяжелым грузом мыслей. Мне снилась лестничная клетка и это недостижимое чувство Свободы, накрывающее меня всё сильнее.

Снилось, что я падаю, но не чувствую страха. Сверху чистое небо и мост, с которого я сорвался. Я всё падал и падал, пока не проснулся. На стуле рядом сидел Стёпка. Он держал мою руку, запрокинув голову на спинку стула. Спал. Я смотрел на его руку — кожа была тёплой, на удивление мягкой и ухоженной. Он явно не был простым работягой.

Вдруг он вздрогнул, резко соскочил и выдернул свою руку из моей. Похоже, ему тоже что-то приснилось. Он огляделся, тыльной стороной руки вытер лоб и похлопал себя по щекам.

— Стёп, ты как? — хрипло спросил я.

— А, норм. Ты не спишь? — он всё еще не до конца пришел в себя.

— Ты давно пришел? Я всю неделю тебя ждал.

— Дел много было. Тебе уже сказали? С утра едем отдыхать!

— Сказали, но я не совсем понимаю...

— Не надо ничего понимать. Завтра сам всё увидишь. Лучше расскажи, что сегодня произошло? Ты правда пытался прыгнуть?

— Стёп, это не совсем то, о чем ты подумал...

— Не надо оправданий. Я могу тебя понять... Просто расскажи всё как есть!

И я рассказал. Про случай в парке, про Свободу, про лестницу и про сомнения, которые мучили меня с момента пробуждения. Он слушал молча, но в глазах его застыла тревога.

— Стёп, прости, что раньше не говорил. Я не понимаю, как мне бороться с этим всем.

— Алекс... Так вот какой настоящий ты. Все твои секреты ты должен рассказать психологу. Понимаешь? — Стёпка почти кричал, в его глазах я увидел отчаяние, — Алекс, ну ты реально не понимаешь? Тебе приснилось сегодня — так вот, это не сон! Это твои воспоминания! Настоящий ты, до потери памяти, пытался покончить с собой! Понимаешь?! Тебе нужно к психологу! Я сейчас вернусь...

Он ушел в коридор, а я уставился в потолок. Настоящий я — покончил с собой? Неужели это действительно я? Неужели и тогда у меня случались эти приступы с нехваткой свободы? От мыслей кружилась голова, и вскоре меня снова накрыл сон.

Маленькие воспоминания

Я открыл глаза. Стёпки в палате не было. Его кровать была пуста и аккуратно заправлена — видимо, он ушел рано, чтобы уладить последние дела перед моей выпиской. Тишина давила, напоминая о вчерашнем разговоре, но вскоре дверь скрипнула.

Вошла Леночка. Как и всегда, она принесла с собой что-то интересное. На этот раз это были карточки с картинками для детей. Она раскладывала их передо мной, показывая овощи, фрукты, виды транспорта.

— С помощью этих карточек маленькие дети познают мир и учат новые слова, — мягко объясняла она.

Я смотрел на яркие изображения. Многие вещи я узнавал, но не понимал, откуда я это знаю. В голове билась тревожная мысль: если я один раз уже всё забыл, что мешает этому случиться снова?

— Леночка, — позвал я. — Я тоже хочу свои карточки. Такие, на которых будет то, что я не имею права забыть.

Она улыбнулась и тут же согласилась. Вскоре на моей тумбочке лежали нарезанные кусочки плотной бумаги и цветные карандаши.

— Что именно ты хочешь на них изобразить? — спросила она.

— Всё! — не раздумывая ответил я, надеясь ничего не

упустить из головы.

— Нарисуй меня! — попросил я. Леночка рассмеялась, мол, рисует она только «мультишно», но я настоял.

— Хоть как. В общих чертах. Волосы у меня темные, хотя я думал, что светлые. Глаза черные...

— Не чёрные, а синие, — Леночка перестала рисовать и посмотрела на меня. — И волосы у тебя не такие уж тёмные, скорее русые.

Я заспорил:— Но темнее, чем у Стёпки!

— Но светлее, чем у меня, — парировала она и, видя мое недоумение, принесла то самое зеркальце, которое я видел на посту. — Вот, рассмотри своё лицо поближе.

Я смотрел на себя и не мог оторваться. Глаза действительно были синими — я будто тонул в их глубине, как в ночном небе. Лицо было бледным, щеки впавшими, но Леночка была права: я не был тем мрачным существом, которым себя представлял.

Мы просидели за рисованием долго. Так появились мои три «козырные» карточки.

На первой был Я, на второй — Леночка (в зеленой кофте, без халата), а на третьей — Стёпка (в костюме и с папкой в руках, каким он обычно уходил «по делам»).

— Давай подпишем их, — предложил я. — А на обратной стороне я напишу то, что о вас знаю. Если снова всё забуду — смогу прочитать.

На обороте карточки Стёпки я вывел: «Скрытный. Биз-

несмен. Знает иностранный язык. Он дал мне имя». И в самом конце, словно пытаясь защититься от собственного страха, добавил: «Мой самый близкий друг!».

Я едва успел спрятать карточки в карман куртки, как дверь палаты распахнулась. Вошел Стёпка. Он так широко улыбался, что его глаза превратились в узкие щелочки.

— О, очнулся, Безымянный! — прокричал он, заполняя собой всё пространство. — Хватит дрыхнуть. Собирайся, я тебя похищаю! Жизнь после смерти начинается прямо сейчас!

Я вздрогнул. Слово «похищаю» прозвучало дико. Я посмотрел на Леночку, но она вдруг побледнела и поспешно отвернулась к окну.

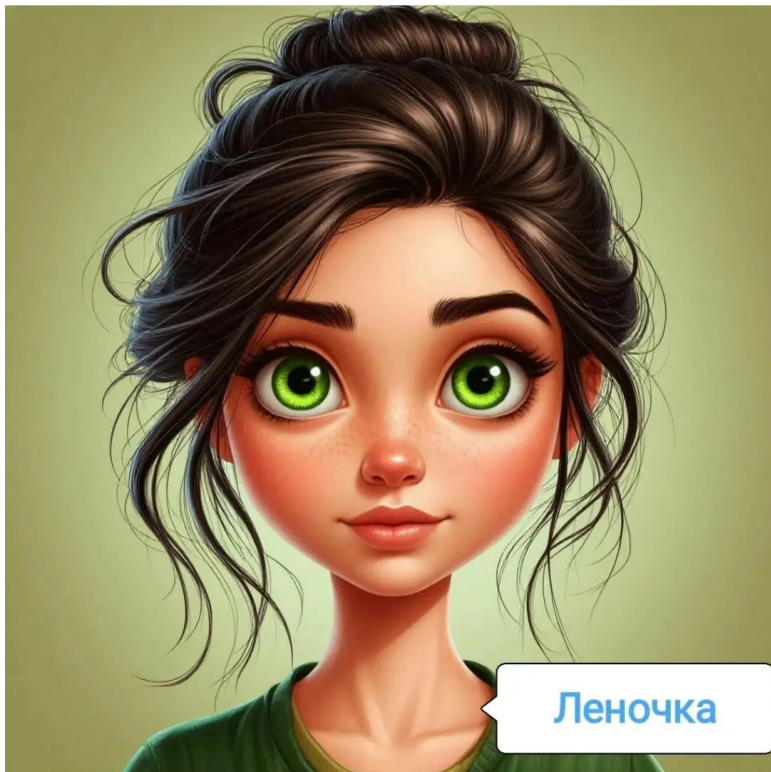

Я Алекс.

Мне не известно сколько лет, но примерно 35.

Я худой, но это всё поправимо, так как я
восстанавливаюсь после тяжёлых травм и комы.

У меня синие глаза и русые волосы.

Леночка.

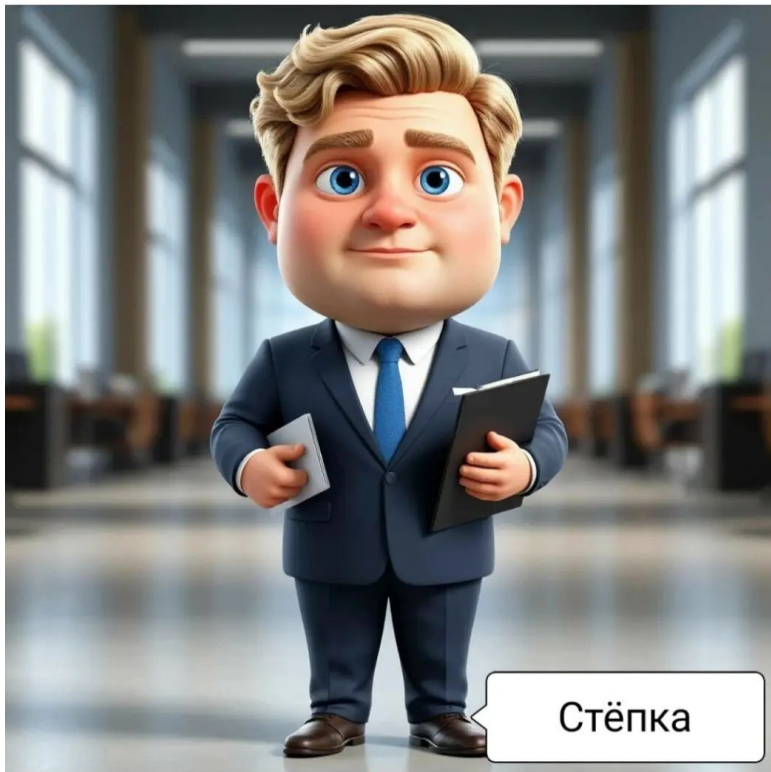
Работает сестрой в больнице, где я уже 2 года.

Её возраст 31 год.

Она милая и добрая. Часто улыбается. Приносит мне разные игры и решает со мной задачки.

Помогала мне есть, но теперь я ем сам, а она помогает мне в различных других вещах.

Когда мне грустно, её улыбка греет мне душу.

Стёпка.

Ему 35 лет.

Он первый, кто со мной заговорил, когда я пришёл в сознание.

Он заботится обо мне и помогает. Даже купил мне крутое кресло, в котором я теперь могу сам передвигаться.

Он очень открытый человек. Скорее всего он

Жизнь после смерти

— Леночка, стой! — я увидел, что она замерла, и быстрее продолжил, — Леночка, вчера, прости меня, я не знал, что делал, я не собирался прыгать, в голове помутинело. И я...

— Всё хорошо, Алекс. Прости, мне немного неловко и я не знаю, как нам лучше попрощаться... — она повернулась ко мне и так искренне улыбнулась, — Прости меня, надеюсь, ещё встретимся.

— В каком смысле? Ты уходишь с этой работы? Уезжаешь куда-то? Это из-за меня? — я продолжал засыпать Леночку вопросами, несмотря на то, что она уже не только головой мотала, но и показывала руками, что всё не то. Но я не мог остановиться, — Ты уходишь в другую больницу? Выходишь замуж? Это ведь я во всём виноват? Не уходи из-за меня...

— Так, стоп-стоп! — мой поток вопросов прервал Стёпка, который некоторое время уже стоял в дверях, — Ты чего её, бедненькую, вопросами засыпаешь?

— Так...

— Не так! Это не она, а ты уходишь из больницы! — серьёзно сказал Стёпка, а потом вдруг хихикнул и добавил: — Да уж, уходишь. Извини, увожу я тебя.

— Что? В каком смысле — увозишь? — я даже не мог сформулировать вопрос. Такой шок. Я был растерян.

— Сказал же, сегодня я тебя похищаю. Уже оформил всё, так что не затягивай с прощанием. А с Леночкой мы ещё встретимся, не переживай. — он поставил руки на бока, сделал серьёзное выражение лица, потом как-то натянуто нахмурил брови и надул щёки. Но вдруг резко выпустил воздух, показал язык и, хихикая что-то под нос, вышел из палаты.

— Как-то так, — разведя руками, сказала Леночка, — Так что не вздумай болеть! И заезжайте к нам в гости почаще.

Она улыбалась, но взгляд её не был грустным, скорее каким-то встревоженным.

— До встречи, Алекс. Мне пора на обход. Не переживай ты так. Вы же друзья. Он для тебя старается. Так что будь здоров и не хулигань больше. — она подмигнула мне и удалилась за дверь.

Я так и остался сидеть, ничего не понимая. Меня типа выписали, что ли? Или он реально меня похитить собрался? Мысли о «хитром лисе» Стёпке снова заворочались в голове. Если мы познакомились только здесь, откуда он знает про мой прыжок с моста? Но страх перед неизвестным вдруг смешался с безумным счастьем и предвкушением того, что я увижу за пределами больничного сада.

Эти эмоции на время подавили во мне интерес к событиям во сне и вообще ко всему, что я успел пережить в своей памяти. Я находился почти в трансе, когда Стёпка пересаживал меня с кресла на сиденье в машине. Я незаметно кос-

нулся кармана куртки — три карточки, мои «козыри», были на месте. Пока он грузил кресло в багажник, я смотрел в окно и не мог даже вздохнуть. Эмоции переполняли меня, заполняя каждую частичку тела.

И вот мы тронулись с места. Я окатил взглядом территорию больницы в последний раз и, наконец, взглянул вперёд, на дорогу.

Солнце отражалось на влажном асфальте, а ведь я даже не заметил, что прошёл дождь. Я посмотрел на Стёпку и спросил:— Я действительно умер? — даже сам не ожидал от себя такого странного вопроса. Стало как-то неловко.

Но Стёпка улыбнулся и взглянул на меня.

— Да, брат. Теперь начинается твоя новая жизнь!

— Новая жизнь?

— Да, новая жизнь — это жизнь после смерти!

Стёпка улыбался, и в его глазах отражалось счастье, которое начало меня затягивать внутрь. Я улыбнулся ему в ответ, но чувство Свободы накрывало меня сильнее. Я чувствовал это... это правда оно? Ощущение Свободы... Это моя жизнь после смерти?

Моё личное пространство

Я много думал, глядя в окно, даже не обращая внимания на дорогу. Стёпка молчал, и мы оба были словно в трансе. Мою медитацию прервал непослушный лучик, который так и прыгал мне на щёки. Только тогда я обратил внимание, что за окном был чудеснейший вид. Лучики пробивались сквозь ветви деревьев и падали на ещё непросохший асфальт.

— Красота, — неожиданно для себя я сказал это вслух.

— Тоже так думаю, — невозмутимо ответил Стёпка, и я, наконец, полностью вышел из транса.

— Стёп, а куда мы всё же едем? — У меня в голове было так много вопросов, но вырвался только этот.

— Я же сказал, что похищаю тебя, — Стёпка засмеялся, — но если серьёзно... — Он снова сделал паузу, и я посмотрел на него. Его лицо было очень задумчивым, но он будто и не хотел продолжать разговор.

— Стёп, не молчи, я слушаю, — я начинал нервничать... Неужели опять все мои вопросы останутся без ответа? Даже такой простой?

— Я бы хотел, чтоб ты сам всё увидел. Но если для тебя это так важно... Скажем так, какое-то время ты поживёшь со мной. — Выражение его лица почти не менялось, оно по-прежнему было крайне задумчивым или даже немного встревоженным.

— Ясно... — это единственное, что я смог пробубнить и снова уставился в окно.

— Не дуйся, брат. Я всё расскажу тебе, когда приедем, хорошо? А пока я должен следить за дорогой. Всё же я машину веду как-никак. — Он улыбнулся и снова принял задумчивый вид.

Может, он правда очень сосредоточен на дороге, а я его тут отвлекаю... Вид за окном почти не менялся. Было удивительно, я думал, что мир за больницей выглядит иначе. Хотя сложно сказать, ведь я вообще не особо старался представить, что снаружи. Но предполагал, что здесь много домов, дорог и машин... Ведь именно такой вид был из больничного окна за забор, огораживавший прибольничный парк.

На улице за окном начинало смеркаться. Постепенно на некоторых участках дороги загорались фонари. Вид был безумно красивым. Свет фонарей отражался от всего, что только можно представить. От машин, стоящих на обочине, от некоторых листьев на кустах, видимо, на них ещё остались капли дождя, от асфальта и от некоторых луж. Так же ещё с неба не пропал закат... Он был не ярким, но очень плавно по небу перетекал из желтовато-розового в какой-то голубовато-сиреневый и так до тёмно-фиолетового, даже с оттенками чёрного цвета... Небо было безоблачно чистым и местами, особенно на тёмном фоне, были видны мерцающие вдали звёзды.

— Ты проголодался, наверное? — неожиданно раздался

голос Стёпки.

— А, что? — я на несколько секунд растерялся и вдруг понял, что мы остановились у небольшого домика с очень необычным стеклянным фасадом. — Мы приехали?

— Уже минут 10 как, — Стёпка улыбался, и я только тогда понял, что он не сидит в машине, а стоит снаружи и смотрит на меня через открытое окно. — Ну ты, брат, даёшь. Уснул, что ли?

— Я? Не, я просто засмотрелся... Обалдеть, какая красота снаружи оказалась, — я немного смутился, поняв, что опять находился в каком-то трансе.

Стёпка помог мне выбраться из машины на кресло, которое, как оказалось, он уже подогнал к двери и подготовил.

— Сам поедешь или подвезти? — Стёпка опять ухмылялся.

— А мы где? Это твой дом? — вопросов было много, но я почувствовал голод. Мы так долго ехали? Это же была отличная возможность с ним пообщаться, как я мог её проспать?

— Давай в дом, — Стёпка уже начал катить меня по красивой каменной плитке, из которой была сложена аккуратная тропа к домику. — Поедим, и я тебе покажу, как здесь жить, чтоб ты мог самостоятельно заниматься своими делами и создать своё личное пространство.

— Моё личное пространство? Стёп, что ты имеешь в виду?

— Ну... Кажется, это область психологического комфор-

та, которая принадлежит только тебе. Хотя я имел в виду немного не это, — он хихикнул и остановился.

— Брат, смотри, всё для твоего комфорта! — Стёпка поднялся к дверям, и я обратил внимание, что здесь не высокий подъём и совсем нет лесенок. — Ну что ты застыл, заезжай. Тебе придётся самому учиться это делать. — Стёпка довольно улыбался, стоя около входной двери.

Действительно, подняться было не сложно, но тут заслуга Стёпки конечно, и дело не только в плавном подъёме вместо лесенок, но и это кресло с мотором всё же шикарно помогало мне не напрягаться от слова совсем.

Стёпка показал мне, как открывать и закрывать двери. И вот мы в прихожей, за этой стеклянной стеной. Я впервые почувствовал себя так хорошо. Дело было не только в шикарном панорамном виде за стеной, но и в самом доме. Снаружи он был совсем не таким огромным, каким оказался внутри. Здесь было огромное количество свободного места, даже не верилось, что снаружи он казался совсем небольшим.

— Вот, брат! Это теперь всё твоё. Можешь начинать осваиваться, покатайся тут туда-сюда, а я пока еду разогрею. — Стёпка довольный отправился на кухню.

Я кажется начал понимать его слова про моё личное пространство... Здесь было всё для того, чтоб я мог жить самостоятельно. Огромное пустое пространство, я мог без всяких проблем проехать в любую часть дома. В одной из комнат я увидел тренажеры, которые мне необходимы для процедур

по восстановлению. Туалет был оборудован для инвалидов. В спальне тоже везде были поручни, чтоб я мог самостоятельно ложиться в кровать и пересаживаться обратно в кресло. На кухне не было ничего лишнего и тоже всё было максимально удобно... Вот оно... Действительно! Моё личное пространство!

Альянс

Шелест колес по идеально ровному полу был единственным звуком, сопровождавшим меня на кухню. В этом доме тишина была такой плотной, что я слышал собственное дыхание.

— Ну что, новосел, паркуйся! — Стёпка вынырнул из-за кухонного острова. — Ужин по высшему разряду.

Он помог мне придвинуться к столу. Стёпка суетился, расставляя тарелки, а я просто смотрел на сервировку. Здесь всё было слишком торжественным. Тяжелые массивные стулья, блестящая поверхность стола, в которой отражался закат. Я взял в руку вилку и замер. На тяжелой серебряной ручке была выгравирована буква «А». Я поднял глаза и мельком осмотрел край стола — там, в самом углу, на деревянной отделке была такая же инкрустация. Маленькая, изящная «А».

— Стёп, — я помедлил, ощущая непривычный вес металла в пальцах. — Откуда всё это? Ты говорил, мы просто друзья. Но этот дом... эта посуда. Ты ведь не миллионер? И почему везде эта буква?

Стёпка на секунду замер с половником в руке. Его лицо на мгновение стало неестественно серьезным, почти застывшим, но он тут же «включил» привычного хихикающего парня.

— Обижаешь, брат! — он весело подмигнул. — Пока ты

там два года в потолок плевал, я времени зря не терял. Бизнес наладил, инвестиции... понимаешь? Вот и заработал нам на «берлогу». А буква «А» — так это в твою честь! Ты же у нас Алекс. Решил сделать тебе приятное, чтобы ты сразу почувствовал: здесь всё твоё. Ешь давай.

Он говорил легко, но я заметил, с какой невероятной, почти машинальной ловкостью он подхватил упавшую каплю супа со стола. Его движения были слишком отточенными для «бизнесмена».

— А почему ты не рассказываешь про мою семью? — я снова поднял на него глаза. — У меня ведь должен быть кто-то еще. Родители? Жена? Дети? Кто-то же должен был меня искать все это время?

Стёпка медленно отложил ложку. Его веселость испарилась.

— Алекс, твои родственники... скажем так, они не из тех, кто приносит апельсины в больницу. Они принесли тебе только тот мост. Я — единственный, кто у тебя остался. Давай договоримся: пока ты не окрепнешь, мы не будем ворошить это болото. Хорошо?

Ужин закончился в тяжелом молчании. Стёпка помог мне перебраться в спальню.

— Мне нужно отлучиться по делам, Алекс. Ненадолго. Ты отдыхай, здесь ты в безопасности.

Вскоре я услышал, как гравий хрустнул под шинами его машины. Я остался один. Стекланный дом в сумерках стал

выглядеть иначе. Огромные окна превратились в черные зеркала, за которыми стоял мертвый лес. Сон накрыл меня внезапно.

Я лечу. Свист ветра в ушах, холод, пробирающий до костей. Я уже не на мосту, я смотрю на него снизу вверх, стремительно отдаляясь. На фоне темного неба, на самом краю перил, замер силуэт. Я всматриваюсь, пытаюсь закричать, и в последнюю секунду перед ударом понимаю: это женщина. Длинные волосы развеваются на ветру, она смотрит вниз, на меня...

Я резко открыл глаза. В комнате было темно. Тишина казалась вакуумом, в котором не хватало воздуха. Я повернул голову к окну. Там, за тонким стеклом, стояла непроглядная стена леса. Деревья казались черными щупальцами, тянущимися к дому. И вдруг в глубине чащи я увидел их. Две маленькие желтые точки. Светящиеся глаза. Они не двигались, просто смотрели из пустоты, не мигая. Тварь это была или человек — я не знал, но от этого взгляда по спине пробежал ледяной мороз.

Паника ударила в голову. Мне нужно было в кресло, к своей единственной опоре. Я схватился за поручень, рванул тело вверх, стиснув зубы от боли в одеревеневших мышцах. Пальцы соскользнули с холодного металла.

Мир перевернулся. Я мешком рухнул на пол. Удар вышиб дух, плечо пронзило острой болью, но еще страшнее было осознание беспомощности. Я лежал на боку, прижатый к хо-

лодному покрытию, а из окна на меня продолжал смотреть Лес.

Лунный свет холодным косым лучом разрезал темноту спальни, подсвечивая пылинки. Мой взгляд упал под кровать. Там, в самом темном углу, я заметил край коробки. Сердце забилося чаще. Я потянулся к ней, царапая пол ногтями, задыхаясь от натуги. Чужое, тяжелое тело не слушалось, но я продолжал тянуться, пока кончик среднего пальца не коснулся твердого края. Я надавил, пытаюсь подтащить её, но сил хватило только на то, чтобы слегка повернуть её к свету.

Коробка вышла из тени. На крышке был тот самый логотип, но теперь, глядя на него почти вплотную, я онемел. Это не была одна буква «А». Их было две, написанные одна на другой с небольшим смещением, создавая объемный, странный знак. А под ними — мелкая, строгая надпись на английском: «Alliance Alexandria».

В голове зашумело. «Александрия» — это не подарок друга. Это название, которое принадлежало кому-то другому. Кому-то, чью жизнь Стёпка теперь выдавал за мою.

В этот момент тишину дома разрезал звук открывающейся входной двери. Стёпка вернулся.

Он старался не шуметь. Я слышал, как он тихо закрыл замок, а затем раздался характерный звон — он сложил ключи в металлическую чашу в прихожей. Паника парализовала меня. Я лежал на холодном полу, прижатый к кровати, и по-

нимал, что не смогу даже пошевелиться, чтобы скрыть своё присутствие здесь, под кроватью. Коробка лежала прямо под моей рукой, на самом свету.

В коридоре зажегся мягкий «ночной» свет. Шаги Стёпки приблизились к спальне — он явно просто хотел заглянуть и убедиться, что я сплю. Дверь тихо приоткрылась.

— Алекс? — едва слышно позвал он.

В лунном свете, падающем из окна, пустая кровать выглядела как разрытая могила. Я услышал, как он резко, со свистом втянул воздух.

— Алекс! — Его голос сорвался.

Он ударил по выключателю. Комнату залил безжалостный электрический свет. Стёпка замер в дверях, глядя на меня. Его лицо из спокойного за секунду превратилось в маску ужаса.

— Брат... ты как?! — Он в два прыжка преодолел комнату и упал на колени рядом со мной. — Не пугай меня так... Как ты упал?

Его руки, горячие и сильные, подхватили меня под мышки. Пока он тянул моё обмякшее, непослушное тело вверх, я всем весом навалился на коробку, и она, подтолкнутая моим локтем, со стуком скользнула обратно в глубокую тень, в самый угол под кроватью. Стёпка был слишком занят мной, чтобы заметить это движение.

— Я... я просто хотел в кресло, — выдавил я, чувствуя, как бешено колотится сердце. — Стало темно, и я подумал,

что справлюсь сам...

— Дурак ты, Алекс, — он выдохнул, и я почувствовал, как его мелко трясет от пережитого испуга.

Он быстро вышел и вернулся со стаканом воды. Его футболка на груди была мокрой, волосы слиплись, а по лицу стекали капли — видимо, он жадно пил или умывался в спешке, и руки его так дрожали, что он облился.

— Пей, — коротко приказал он, протягивая стакан. Вода в нем дрожала. Я сделал глоток. Стёпка осторожно уложил меня, подоткнул одеяло и, не говоря больше ни слова, вышел. Через пару минут я услышал, как в гостиной щелкнула балконная дверь — он вышел на террасу, чтобы прийти в себя».

Ложные отражения

Я долго лежал без движения, вслушиваясь в тишину дома. После того как Стёпка ушел и за дверью спальни стихли его шаги, я пытался уловить хоть какой-то звук, но стеклянный дом хранил молчание. В какой-то момент усталость и пережитый страх взяли своё, и я сам не заметил, как провалился в тяжелый, вязкий сон.

Я снова видел мост снизу вверх, стремительно отдаляясь от него. Тишину падения разрезал пронзительный женский крик. На самом краю перил, на фоне ослепительного неба, стояла светловолосая девушка. Она отчаянно тянула мне руку, её губы быстро двигались, выкрикивая что-то, чего я не мог разобрать из-за свиста ветра. Я из последних сил попытался поднять руку в ответ, дотянуться до этих тонких пальцев... но не успел.

Я открыл глаза. В комнате было светло. Солнечный свет заливал спальню, играя бликами на стеклянных стенах. Всё в этом утре было таким приятным и мирным, что ночной кошмар и падение на пол казались просто нелепой выдумкой. За окном расстился прекрасный вид на лес, а из приоткрытой двери доносился аромат вкусной еды.

При свете дня ориентироваться в пространстве стало проще. Я ухватился за поручни, медленно и сосредоточенно подтянулся, пересеживая тело в кресло, а затем руками пе-

реташил свои непослушные ноги с кровати. Получилось.

Я бесшумно выкатился из комнаты и замер. Из кухни доносился голос Стёпки. Он говорил на английском, и в его тоне слышалось едва сдерживаемое бешенство:

— What do you mean, he belongs to you? It's my business what happens to him next! (Что значит, он принадлежит вам? Это моё дело, что с ним дальше будет!)

Я выкатился на кухню:— Стёп, что-то случилось?

Стёпка вздрогнул так сильно, что телефон, который он прижимал плечом к уху, выскользнул и со звонким плеском упал прямо в раковину, где он отмывал кастрюлю от вчерашнего супа.

— Чёрт! — выругался он, выуживая промокший аппарат из мыльной пены.

Он обернулся ко мне, лихорадочно отряхивая телефон и по-товарищески улыбаясь: — Братан, ты меня напугал! Нельзя же так подкрадываться. С добрым утром! Давай, умывайся и за стол. Смотрю, ты смог сам перебраться, так держать! Горжусь тобой...

Я нехотя поехал умываться. Мысли сбивали меня с толку. Мне очень хотелось расспросить Стёпку обо всём, но практика показала, что он ничего мне не скажет. Но может, всё же попробовать?

Я сидел перед зеркалом с зубной щёткой во рту уже долгое время. Сколько Стёпка уже тут стоит?

— Ты там пастой позавтракать решил, что ли? — Стёпка

улыбчиво отразился в зеркале позади меня. — Давай, поторопись, мне ехать нужно, жду только, чтоб тебе всё показать.

Он вышел, а я продолжал пялиться на своё отражение с текущей пеной, которая уже капала мне на ноги. Когда я вернулся на кухню, Стёпка уже заканчивал завтракать.

— Стёп, — я постарался, чтобы голос не дрожал. — Что ты вообще обо мне знаешь? Если моя семья — это ты, скажи хоть... кто та девушка на мосту из моего сна?

— Какая девушка? — Стёпка был искренне удивлен, но меня смутило, что он отреагировал только на это. — Был свидетель?

По коже пробежал мороз. Почему это звучит не как свидетель самоубийства, а как свидетель убийства?

— Стёп, я сейчас не понял. Может, объяснишь мне хоть что-то?

Но Стёпка в один мах допил кофе и устремился к раковине.

— Прости, Алекс, мне нужно бежать. Давай позже всё обсудим, хорошо?

Он скрылся за дверью, но через минуту вбежал обратно, схватил мокрый телефон с полотенца и бросил на ходу: — Попробуй сегодня позаниматься на тренажерах. А, это? — он махнул телефоном, — Закину в ремонт по дороге. Всё, прости, братан, я побежал!

Я остался один. Аппетит пропал. Я достал свои карточки и прочитал надписи, но они будто никак не отдавались в мо-

ей голове. «Свидетель... Свидетель...».

Я проехал до комода, взял пульт от телевизора. Экран остался черным. «Нет сигнала». Или это я что-то не так делаю, или Стёпка просто отрезал меня от мира. Я снова и снова нажимал на кнопку пульта, направляя его на черный экран телевизора. "Нет сигнала". Эта надпись казалась издевкой. В таком доме — и нет связи с миром? Или Стёпка просто выдернул какой-то провод, чтобы я не увидел лишнего?

Я бросил пульт на комод. В тишине дома этот звук показался оглушительным. Поехал в спальню. Я должен был найти ту коробку. Подкатился к кровати, заглянул в тот самый угол, где вчера чувствовал холодный пластик Пусто. Я отъехал назад, вывернул шею, заглядывая под кровать со всех сторон. Ничего. Только стерильная чистота пола.

Значит, он всё видел. Пока он поднимал меня, пока поил водой, он следил за моим взглядом. И он забрал её. Утром он улыбался мне, хвалил за успехи, а сам уже спрятал улику подальше.

Мои мысли пугали меня больше, чем содержимое той коробки. Если он забрал её, значит, он знает, что я начал сомневаться. Мы оба теперь играем в открытую, просто Стёпка делает вид, что ничего не произошло, а я... а я просто не могу ходить.

Я сидел посреди комнаты, глядя на пустую кровать. Достал свои карточки. «Я Алекс. Синие глаза... Стёпка. Скрыт-

ный...». Я читал эти надписи, но они будто никак не отдавались в моей голове. Буквы стали просто закорючками. «Свидетель... Свидетель...».

Решено. Первым делом спрошу его прямо, как только он зайдет в дом. Хватит с меня этих «хитрых лисов».

Но ждать было невыносимо. Чтобы не сойти с ума, я ещё несколько раз объехал кровать со всех сторон — просто не мог поверить, что коробка исчезла бесследно. Убедившись, что под кроватью действительно ничего нет, я развернул кресло. Тренировку пропускать было нельзя.

Я поехал в тренажёрный зал, стараясь не смотреть на черные окна, за которыми, как мне казалось, лес всё ещё продолжал наблюдать за мной.

Запах прошлого

В зале стояла звенящая тишина. Стекло­ян­ные стены, кото­рые утром ка­за­лись сим­во­лом сво­бо­ды, те­перь да­ви­ли, пре­вра­щая ком­на­ту в про­зрач­ный ак­ва­ри­ум. Я мед­лен­но пе­ре­ме­щался от од­но­го сна­ря­да к дру­го­му, и чем до­ль­ше я на­хо­дился здесь оди­н, тем от­чет­ли­вее чув­ство­вал стран­ный дис­сонанс. Зал был раз­де­лен на «до» и «по­сле».

Под­ка­тив­шись к по­руч­ням, ус­та­нов­лен­ным вдоль стен, я ко­с­ну­лся их хо­лод­но­го ме­тал­ла. Они ослепи­тель­но бле­сте­ли, от­ра­жая сол­неч­ный свет. От них ис­хо­дил рез­кий, на­вяз­чи­вый за­пах ма­га­зи­на, но­вой ре­зи­ны и све­жих от­де­лоч­ных ма­те­ри­а­лов. Эти ве­щи бы­ли куп­ле­ны со­всем не­дав­но. Они бы­ли ча­стью мо­ей «но­вой» жиз­ни — жиз­ни ка­ле­ки, ко­то­ро­го нуж­но за­но­во учить сто­ять.

Но сто­ило мне пе­ре­бра­ться к си­ло­во­му тре­на­же­ру со сталь­ны­ми тро­са­ми, как мир во­круг вне­за­пно из­ме­нился.

Я взялся за ко­жаные ру­ко­ят­ки и за­мер. Ко­жа на них не бы­ла но­вой — она бы­ла по­тер­той и мяг­кой, сло­вно мои ла­до­ни уже сжи­ма­ли их ты­ся­чи раз до это­го. Мои па­ль­цы са­ми со­бой лег­ли в нуж­ные вы­ем­ки, иде­аль­но рас­пре­де­ляя хват. И за­пах... Я на­кло­нил­ся бли­же, по­чти ко­с­ну­вшись но­сом ру­ко­ят­ки. От это­го тре­на­же­ра не пах­ло ма­га­зи­ном. Сквозь аро­мат хо­лод­но­го ме­тал­ла и ста­рой ко­жи про­би­вал­ся едва уло­ви­мый, но до бо­ли зна­ко­мый пар­фюм. Терп­кий ке­др и что-

то морозное, мужское.

Этот запах не принадлежал Стёпке — от того всегда несло чем-то приторным и резким. Этот аромат был другим. Более глубоким. Моим?

В голове на мгновение помутилось. Я закрыл глаза, и мне показалось, что я не в этом доме, а где-то в другом месте, где я был сильным и где мне не нужно было кресло.

— Кто же я такой на самом деле? — прошептал я, сжимая рукоятки до белизны в костяшках.

Если эти старые тренажеры пахнут мной, значит, Стёпка соврал. Он не «инвестировал в берлогу», как он выразился на ужине. Он просто привез сюда мои старые вещи. Но откуда? И почему он выставил всё как свою заслугу? Зачем нагромодил здесь эти новые, блестящие поручни, если в зале уже стояло всё, что мне знакомо? Он пытался «обновить» мою память. Сделать окружающее пространство чужим, чтобы я верил только его версии событий.

Я резко развернул кресло к панорамному окну, пытаюсь отогнать нахлынувшее чувство дежавю. Лес за стеклом казался равнодушным. Но именно там, на самой границе тени деревьев, я снова увидел это. Светлый силуэт.

Фигура замерла среди сосен, глядя прямо на меня. Из-за бликов на стекле и густых теней я не мог понять, кто это. Просто светлое пятно, неподвижное и пугающее. «Свидетель...» — это слово Стёпки ударило в голову, как набат. Если этот человек видел моё падение, если он знает, что там

было на самом деле — я должен его увидеть!

Сердце колотилось в горле. Любопытство боролось с липким, парализующим страхом. Вдруг это кто-то из той «прошлой жизни», о которой Стёпка просил не вспоминать? Кто-то, кто пришел напомнить мне о моем позоре на мосту?

Я рванул кресло к выходу на террасу. Пальцы дрожали, когда я нажимал на кнопку. Дверь отъехала в сторону, и в лицо ударил холодный воздух, пахнувший сыростью и хвоей. Я выкатился на плитку. Здесь, без преграды в виде стекла, лес казался огромным. Я щурился, пытаюсь рассмотреть фигуру, но она уже начала медленно растворяться в чаще, отступая вглубь.

— Эй! — хотел крикнуть я, но из горла вырвался лишь жалкий хрип.

Я подался вперед, рискуя снова соскользнуть с кресла, и в этот момент тишину леса разорвал звук мотора. Машина Стёпки на большой скорости влетела на гравийную дорожку. Резкий свет фар на мгновение ослепил меня, а когда я снова смог видеть — на опушке никого не было. Лес стоял пустой.

Я судорожно выдохнул, пытаюсь унять дрожь. Пойман на месте преступления. Стёпка застал меня на улице — потного, взвинченного и пытающегося догнать кого-то в лесу. Дверь машины захлопнулась. Громкие шаги Стёпки зазвучали на плитке, а следом — знакомый, мягкий шаг резиновой подошвы.

— Алекс?! Ты чего это на террасу вылез?! — Голос Стёп-

ки был полон тревоги. — Холодно же, замерзнешь! Глянь, кого я тебе в гости привез, чтобы ты тут совсем не заскучал.

Я медленно развернул кресло. Стёпка стоял у машины, нагруженный пакетами, а рядом с ним, поправляя сумку на плече, стояла Леночка в своих неизменных белых кроссовках. Она улыбалась, но её взгляд, встретившись с моим, на мгновение замер. Она видела, что я напуган. И она видела, что я всё ещё смотрю в сторону леса.

Хрустальная тишина

Стёпка, быстро оценив обстановку, подхватил пакеты с продуктами и бодро кивнул в сторону кухни.

— Так, герои, пока вы тут не замерзли окончательно — марш переодеваться. Леночка, присмотри за ним, а я пока сотворю что-то съедобное. Нам всем нужно подкрепиться.

Он скрылся в глубине дома, и вскоре оттуда донесся бодрый звон посуды. Стёпка выглядел почти облегченным. Присутствие Леночки явно разрядило для него атмосферу: теперь ему не нужно было в одиночку выдерживать мой тяжелый взгляд и отвечать на неудобные вопросы. Она стала его идеальным буфером, живым щитом между его недомолвками и моей нарастающей паранойей.

Леночка помогла мне добраться до спальни. Её руки были уверенными и теплыми. Пока она помогала мне сменить влажную после тренировки футболку, я молчал. Живот неприятно сводило — я ведь так и не позавтракал, и теперь слабость накатывала волнами, мешая даже держать спину ровно. Мне хотелось рассказать ей всё: и про исчезнувшую коробку, и про «свидетеля» в лесу, но я не решался. Может, я просто не хотел разрушать ту хрупкую нормальность, которую она привезла с собой.

Она достала из шкафа чистую домашнюю кофту — темно-синюю, из невероятно мягкого, плотного трикотажа. Ко-

гда я просунул руки в рукава, кожа сразу почувствовала разницу. Это не была обычная вещь. Она была слишком качественной, слишком дорогой на ощупь. И тут, у самого ворота, я снова увидел это. Две переплетенные буквы «А», вышитые шелком в тон ткани, а под ними мелкая, аккуратная надпись: «Alliance Alexandria».

Вчера за ужином Стёпка убеждал меня, что буква «А» на посуде — это просто милый жест в честь моего имени. Но зачем вышивать это длинное, чужое слово на домашней одежде? Какое отношение эта «Александрия» имела к парню, который якобы просто хотел спрыгнуть с моста? Слово пахло тайной — такой же холодной и статусной, как эта ткань.

— Какая приятная ткань, — Леночка провела рукой по моему плечу, поправляя воротник. — Тебе очень идет этот цвет, Алекс. Синий делает твои глаза еще ярче.

Я натянуто улыбнулся, чувствуя, как вышивка «Альянса» касается кожи.

— Пойдем? — предложила она. — Стёпка сказал, тут потрясающая территория. Хочу увидеть твой дом при свете дня.

Мы выехали на террасу. Холодный воздух после душного зала показался обжигающим. Моё тело, разгоряченное тренировкой, мгновенно отозвалось дрожью. Я не чувствовал, как пот течет по спине ниже лопаток, но ощущал, как ледяная влага пропитывает кофту там, где кожа еще была живой.

На улице было тихо, только ветер шумел в кронах веко-

вых сосен. Издалека дом действительно казался хрустальным — прозрачным, невесомым. Но чем дальше мы отъезжали от него по каменной дорожке, тем больше он напоминал мне огромную витрину. Красивую, дорогую, но совершенно неживую.

— Как здесь красиво, Алекс, — Леночка шла рядом в своих светлых кроссовках, почти бесшумно ступая по плитке. — Настоящий замок. Стёпка — молодец, так всё обустроить для тебя...

Я остановил кресло у края дорожки, там, где начиналась тень леса.

— Леночка, а ты давно знаешь Стёпку? Он ведь часто приходил ко мне в больницу?

Она замерла, глядя на деревья.

— Почти с самого начала, Алекс. Он буквально жил под дверями реанимации. Знаешь, я редко видела такую верность. Он боролся за тебя, когда другие уже опустили руки.

— Какие другие? — я зацепился за это слово. — Он рассказывал тебе о моей семье? О ком-то, кто был со мной до того... до того моста?

Леночка вздохнула и положила руку мне на плечо. В её взгляде было бесконечное сочувствие.

— Он говорил, что ты остался совсем один, Алекс. Что те люди, которые назывались твоей семьей, даже не поинтересовались твоим состоянием. Стёпка сказал, что это — твой шанс начать всё с чистого листа, без всяких плохих воспоми-

наний. Неужели тебе здесь не нравится? Посмотри вокруг. Здесь так тихо, спокойно. Тут только ты и те, кто хочет тебе помочь.

Я промолчал. «Никого не осталось». Это звучало логично, но в голове всплывал крик девушки из сна. Если я был совсем один и никому не нужен, то чьи это были глаза, полные ужаса? И почему во сне она так отчаянно тянула ко мне свои руки, пытаясь удержать меня на краю?

Запах жареного мяса и специй поплыл из открытых дверей дома. Голод напомнил о себе резкой резью под ребрами.

— Идем, — Леночка легонько подтолкнула моё кресло. — Пора кормить нашего чемпиона, пока он совсем не растаял.

Мы направились обратно к дому, к этому стеклянному свету, в котором Стёпка уже расставлял тарелки.

Скрежет

Запах домашней еды в гостиной был таким плотным, что его, казалось, можно было резать ножом. В животе снова болезненно потянуло. Голод боролся с тошнотой от нервного перенапряжения. Мне отчаянно хотелось наброситься на еду, забыв обо всем, но в то же время внутри росло глухое сопротивление. Я чувствовал себя экспонатом в этой хрустальной витрине: потный, взъерошенный после зала, в этой слишком дорогой кофте. Мне хотелось выглядеть хорошо перед Леночкой, но моё состояние и эта обстановка играли против меня.

Стёпка суетился у стола, наводя последние штрихи —правлял салфетки, переставлял солонку.

— Ну, всё готово! Прошу к столу, — он лучезарно улыбнулся, отодвигая стул для Леночки.

Я подъехал к своему месту. Свет ламп отражался в полированном дереве стола, и куда бы я ни бросил взгляд, я видел её. Двойную «А». Она была на спинке стула напротив, на кольцах для салфеток, даже на масленке. Эта буква преследовала меня, превращая уютный ужин в допрос.

— Алекс, ты какой-то бледный. Совсем переутомился? — Леночка внимательно посмотрела на меня, её ладонь потянулась к моему лбу.

Но Стёпка тут же перехватил её внимание, ловко подкла-

дывая ей салат.

— Да это он просто от свежего воздуха захмелел! После больничных палат-то. Ты попробуй вот это мясо, Леночка, по моему особому рецепту.

Они заговорили о чем-то отвлеченном — о погоде, о дороге. Они общались так легко, будто меня здесь не было. Словно я был просто частью интерьера, за которой нужно присматривать, но с которой не обязательно считаться. Игнорирование злило меня больше, чем открытая ложь. Внутри меня что-то оборвалось.

Я взял вилку, но рука дрогнула, и тяжелый прибор с резким звоном упал на пол, ударившись о плитку. Звук эхом разлетелся по залу.

— Ой, сейчас подниму! — Стёпка вскочил, но я опередил его.

Я с силой толкнул тарелку от себя. Глиняное дно со скрипучим, режущим уши звуком проехало по лакированной поверхности стола. Разговор мгновенно смолк. Леночка испуганно вздрогнула.

— Стёп, — я поднял глаза. — Хватит. Расскажи мне про «Александрию». Почему это название вышито на моей кофте? Почему оно было на коробке под моей кроватью, которую ты сегодня потихоньку вынес, пока я спал? И самое главное... Ты сам спросил меня сегодня утром: «Был свидетель?». Расскажи мне, Стёп. Если я просто самоубийца, какой, к черту, может быть свидетель?

Леночка перевела взгляд с меня на Стёпку, её брови поползли вверх. Она явно слышала об этом впервые. А Стёпка замер. Его лицо застыло, превратившись в бледную маску.

— Не переживай, брат, я всё тебе расскажу, — наконец выдавил он, и в его голосе прорезались стальные нотки. — Коробку я убрал, чтоб она не мешалась. И я её не прятал, она всё ещё в твоей комнате. Просто отодвинул от кровати, чтоб ты не стукнулся, если снова решишь упасть.

— Зачем ты мне врёшь сейчас?! — выкрикнул я. — Я её искал!

— Значит, так искал, Алекс! Иди поищи получше!

Я психанул. Развернул кресло и на предельной скорости направился в комнату, на ходу выплевывая слова:— Ну и где она?! Где?!

Стёпка тоже не выдержал. Он забежал в спальню следом за мной и, с грохотом захлопнув дверь, прошагал к шкафу.

— Вот же она! — он указал на пол у шкафа, со стороны окна.

Его ноздри раздувались, он дышал тяжело и часто. Было видно, как сильно он обижен моим поведением. Я подъехал ближе и замер. Действительно. Это была та самая коробка с приоткрытой крышкой. Присмотревшись, я увидел на полу мелкие следы пыли — они доказывали, что коробку никто не поднимал. Её просто подвинули, похоже, ногой, задвинув в угол между шкафом и окном.

Мне стало тяжело дышать. Стыд, густой и липкий, накрыл

меня с головой. Я только что, при Леночке, обвинил его во всех грехах, повел себя как законченный псих, а в этом он был совершенно не виноват... Где были мои глаза днем, когда я всю кровать вдоль и поперек осмотрел? Почему мне даже в голову не пришло поискать её в другом месте?

Стёпка, не дождавшись моих извинений, круто развернулся и вышел из комнаты, с силой хлопнув дверью.

Я остался один в тишине. Медленно развернул кресло и подъехал к самой двери, но рука замерла, так и не коснувшись ручки. Я слышал приглушенные голоса в гостиной, звон посуды — жизнь там продолжалась, но я сам вычеркнул себя из неё этой глупой вспышкой ярости. Как мне теперь смотреть им в глаза? Как извиниться за то, что я перестал доверять единственному человеку, который был со мной все эти два года?

Я прижался лбом к холодному дереву двери, слушая тишину собственного дома, которая теперь казалась мне заслуженным наказанием.

Горький хлеб

Голод в итоге оказался сильнее стыда. Я не знаю, сколько времени я провел в спальне, прижавшись лбом к двери, но в какой-то момент аромат еды стал невыносимым, почти физически болезненным. Я медленно нажал на ручку и выкатился в гостиную.

За столом царило то самое гнетущее молчание, которое бывает после тяжелых семейных скандалов. Леночка ковыряла вилкой в тарелке, не поднимая глаз, а Стёпка сидел неподвижно, глядя в окно на темнеющий лес.

— Прости, Стёп, — мой голос прозвучал тихо и надтреснуто. — Я... я не знаю, что на меня нашло. Днем я правда её не видел.

Стёпка медленно повернул голову. Его лицо уже не было маской ярости, но в глазах застыла холодная, сухая обида. Он ничего не ответил, просто молча пододвинул ко мне тарелку с остывшим мясом. Этот ужин стал для меня пыткой. Каждый кусок вставал поперек горла, тяжесть вины мешала глотать. Я ел, чувствуя на себе сочувственный взгляд Леночки, и от этого мне хотелось провалиться сквозь землю. Я выглядел в её глазах капризным инвалидом, который срывается на единственного друга.

Ночью сон был рваным. Перед глазами стояло лицо Стёпки — бледное, с раздувающимися ноздрями. И вдруг созна-

ние подбросило картинку из совсем другого прошлого. Какой-то ветхий сарай, пахнувший пылью и старым сеном. Маленький мальчик, худой и злой, стоит в углу, сжимая кулаки так, что белеют костяшки. Его ноздри ходят ходуном точно так же, как у Стёпки в спальне. В том сне я знал, что этот мальчик обижен на весь мир, и я — единственный, кто может ему помочь. Но стоило мне сделать шаг, как картинка рассыпалась.

Утро принесло неожиданное облегчение. Леночка зашла в комнату вместе с солнечным светом. Она помогла мне умыться, переодеться и велела ехать в зал. В её присутствии тренажерный зал перестал быть местом тайных знаков. Всё стало простым и правильным. Леночка поправляла мои руки, считала подходы и подбадривала меня, когда мышцы начинали дрожать. Рядом с ней всё казалось нормальным. Я — пациент, она — медсестра, Стёпка — преданный друг. И этот дом — просто дом, а не стеклянная ловушка.

Мы выкатились на кухню. Стёпка уже расставлял тарелки. Он выглядел спокойнее, но в его движениях сквозила механическая вежливость.

— О, чемпионы вернулись! — он натянуто улыбнулся. — Садитесь, пока горячее.

Я занял свое место. Солнце заливало кухню, Леночка что-то весело рассказывала, и я уже почти поверил, что вчерашний психоз мне привиделся. Стёпка потянулся к кофейнику, но именно в этот момент тишину утра разрезал посторонний

звук.

Со стороны въезда на территорию, у самых ворот, властно и требовательно просигналил автомобиль.

Стёпка замер. Кофейник в его руке дрогнул, и темные капли кофе расплылись по скатерти, как несмываемые пятна.

— Быстро в спальню! — Стёпка почти выкрикнул это. — Алекс, разворачивайся! Леночка, иди с ним и закройтесь! Живо!

Я, ошеломленный этой внезапной переменой, крутанул колеса и направился в коридор. У самой двери спальни я притормозил. Стёпка уже стоял у входной двери.

— Зачем ты сказала ему, что он ничего не помнит?! — донесся до меня его яростный шёпот. — Ты понимаешь, что ты сделала?

— Стёпа, он законный опекун! — Леночка почти плакала. — Он угрожал иском, обещал засудить всю больницу... Я не могла больше врать!

Я рывком заехал в комнату. Каждое слово Леночки било в спину. «Законный опекун». «Врать». Значит, всё это было частью заговора. Я дотянулся до двери и с силой толкнул её. Раздался сухой щелчок — я провернул защёлку изнутри, запираясь от всего мира.

Я медленно развернул кресло. Мой взгляд упал на коробку, стоящую у шкафа. В прихожей хлопнула входная дверь — Стёпка вышел встречать гостя. У меня осталось всего

несколько минут, чтобы узнать правду, пока этот «законный опекун» не переступил порог.

Зелёная планета

За дверью затихло. Я остался один в тишине спальни, глядя на пустую кровать и холодный, стерильный пол. Тот самый пол, на котором я лежал ночью, задыхаясь от собственной беспомощности. Каждая секунда тишины сейчас казалась мне заряженным пистолетом, приставленным к виску.

В прихожей гремели голоса. Он был уже там. Тот, кого Леночка назвала моим опекуном. Тот, от кого Стёпка бежал, как от огня.

Я перевел взгляд на коробку. Как удачно, что она поставила её на стул. Хотя... могу ли я теперь называть её так? «Леночка». После того, что я услышал через дверь, это имя казалось мне горьким, как испорченное лекарство. Она была соучастницей. Она знала, что я — лишь разменная монета в их со Стёпкой игре. Если бы коробка стояла на полу, мне было бы почти невозможно дотянуться до неё. А так — мы были с ней почти на одном уровне. Сердце колотилось где-то в горле, ударяя в рёбра. Я медленно, стараясь не издать ни звука, потянул за край крышки. Она поддалась неожиданно легко, выскользнула из моих влажных ладоней и с сухим стуком упала на пол.

Я замер, превратившись в один сплошной слух. Но за дверью было не до меня. Я заглянул внутрь и... растерялся еще больше. В этой коробке почти ничего не было. Ка-

кой-то офисный мусор: ворох старых ручек, россыпь сточенных карандашей, несколько сломанных пластиковых точилок. И это всё? Ради этого хлама Стёпка так рисковал? Ради этого он врал мне в лицо, глядя честными глазами?

Я начал лихорадочно разгребать эти «сокровища», кончики пальцев кололо от напряжения. На самом дне я нащупал что-то плотное. Блокнот в дешевой обложке.

Я достал его, и руки задрожали так, что блокнот едва не вылетел. На первой же странице была приклеена небольшая фотография. На ней были мы со Стёпкой — совсем молодые, мы стояли, обнимая друг друга за плечи, рядом с шикарной черной машиной, блестящей на солнце. На фоне виднелось здание. Я смотрел на себя прежнего и не узнавал: в моих глазах была такая уверенность, такая наглая жажда жизни, которой сейчас не было и в помине. Мы выглядели как хозяева этого мира.

Но моё внимание привлекла вывеска на здании за нашими спинами. Она была небольшой, но в сердце что-то отозвалось странным скрежетом, когда я прочитал надпись: «Green Planet».

Зелёная планета. Что это было за место? Почему эти два слова заставили мои пальцы похолодеть, а в затылке заныло от тупой, фантомной боли?

В этот момент входная дверь дома с грохотом распахнулась. Холодный сквозняк ударил в щель под моей дверью, заставив меня вздрогнуть.

— Моё терпение закончилось, Степан! — раздался в прихожей чужой, властный голос. От него веяло таким ледяным спокойствием, что я невольно вжался в кресло. — Где он? Я спрашиваю — где он сейчас?

Я быстро захлопнул блокнот и сунул его в боковой карман кресла, прикрыв ладонью. Лихорадочно подкатился к самой двери, прижимаясь ухом к холодному дереву. Кажется, игра в «Алекса-суицидника» подошла к концу. Настало время познакомиться с тем, кто считает меня своей собственностью.

Убивец

Щелчок защёлки, который совсем недавно казался мне спасением, теперь прозвучал как выстрел в тишине. С той стороны двери кто-то уверенно нажал на ручку. Раз, другой.

— Открой, Степан, — раздался тот самый голос. Безжизненный, холодный, лишенный всякого терпения.

Я слышал, как Стёпка что-то лихорадочно шепчет, как звенят ключи. Леночка за дверью всхлипнула. Через мгновение замок поддался, и дверь с силой распахнулась, ударившись о стену.

В комнату вошел человек. Он был в безупречном сером костюме, который сидел на нём так идеально, словно был второй кожей. Ни одной лишней складки, ни одной пылинки. Он не смотрел на меня. Его взгляд брезгливо скользнул по моей кровати, по упавшей на пол крышке коробки и замер на Стёпке, который вжался в косяк двери.

— Ты привез его в эту помойку, Степан? — мужчина наконец перевел взгляд в мою сторону, но смотрел он словно сквозь меня. В этом взгляде не было ни тепла, ни узнавания. Только холодное любопытство, как у энтомолога, разглядывающего прищипленное насекомое. — Ты думал, я не найду этот ваш «хрустальный замок»?

— Влад, я... я просто хотел, чтобы ему было спокойно, — Стёпка почти заикался. Его ноздри раздувались, выдавая

страх с потрохами.

— Спокойно? — Влад усмехнулся, и от этой улыбки у меня по спине пробежал ледяной холод. — Ты устроил здесь цирк. Собирай шмотки этого суицидника. Пять минут.

Я почувствовал, как внутри закипает ярость.

— Кто Вы такой? — мой голос прозвучал хрипло. — И по какому праву вы здесь распоряжаетесь?

Влад даже не повернул головы в мою сторону. Он продолжал обращаться к Стёпке, словно я был неодушевленным предметом:

— Молчи, убивец. Ты уже достаточно наговорил на том мосту. Из-за тебя наша фамилия и так в грязи.

Влад развернулся и вышел в холл, бросив через плечо:

— Машина у ворот. Если через пять минут этот объект не будет в салоне, ты поедешь в полицию, Степан. Прямо из этой помойки.

Стёпка бросился к шкафу, лихорадочно запихивая мои вещи в сумку. Его руки заметно дрожали, он боялся поднять на меня глаза.

— Стёп... — позвал я тихо, но он лишь сильнее загремел замком сумки.

— Молчи, Алекс. Просто молчи, — прошептал он так, чтобы не услышал человек в сером костюме.

Я почувствовал, как чьи-то сильные руки — охрана Влада — подхватили моё кресло, приподнимая его над порогом. На мгновение я оказался лицом к лицу со Стёпкой. Он смотрел

на меня с такой невыносимой тоской, что у меня перехватило дыхание. Он хотел что-то сказать, его губы шевельнулись, но под ледяным взглядом брата он лишь опустил голову.

Меня выкатили на улицу. Гравий хрустел под колесами, как кости. У ворот стоял тяжелый черный автомобиль, похожий на стальной саркофаг.

— Поосторожнее с объектом, — холодно заметил Влад, садясь впереди. — Он нам нужен живым. Пока что.

Дверь захлопнулась с глухим, герметичным звуком. Я приник лбом к тонированному стеклу, пытаюсь найти глазами Стёпку или Леночку, но увидел другое.

Там, в тени вековых сосен, у самой кромки леса, стояла фигура. Девушка в светлом плаще. Она не пряталась и не пыталась привлечь внимание. Она застыла неподвижным изваянием, бледным пятном на фоне темной зелени. Её волосы не шевелились от ветра, она даже не моргнула, когда мощный двигатель взревел, нарушая тишину леса. Она просто провожала машину взглядом — безмолвный свидетель, который знал обо мне больше, чем все люди в этом доме.

— Помойка, — процедил Влад, не оборачиваясь, когда мы проезжали мимо ворот. — Наконец-то мы покончим с этим фарсом.

Я сжал блокнот «Зеленой планеты» в кармане кресла. Влад думал, что увозит сломленную куклу. Он не знал, что забирает человека, который только что нашел свое первое оружие.

Чужая планета

Дорога казалась бесконечной. Я сидел на заднем сиденье, вжавшись в мягкую кожу, и старался не дышать слишком громко. Впереди, затылок к затылку, сидели двое: молчаливый водитель и Он. Тот самый человек, чьё имя — Влад — всё ещё обжигало мне слух. Кто он мне? Почему он смотрит на меня как на сломанную вещь? Вопросы роились в голове, но в этом стерильном салоне даже мои мысли казались лишними.

Машина плавно притормозила. Впереди, перегораживая путь, выросли массивные автоматические ворота. Рядом с ними стоял аккуратный домик охраны, из которого вышел человек в форме и, едва взглянув на номера, коротко козырнул.

Мы заехали внутрь, и я невольно прильнул к стеклу.

Я ожидал увидеть обычный двор, стриженные газоны или фонтаны. Но то, что открылось за окном, было странным. Огромная площадь, на которой, словно островки, располагались аккуратные домики. Рядом с одним из них высились целые скопления стеклянных зданий. Через их прозрачные стены бушевала жизнь: пятна густо-красного, сочного оранжевого, пронзительно-жёлтого и густого зелёного цветов. Я не знал, как называются эти огромные теплицы, но в сердце что-то отозвалось едва уловимым теплом.

У других домиков я заметил загоны с животными, дальше расстиралось большое поле, аккуратно расчерченное на ровные полосы. Это не было похоже на поместье бизнесмена. Это было похоже на... целую планету. На ту самую «Зелёную планету», фото которой лежало в моём кармане.

— Что это? — сорвалось у меня с губ.

Влад даже не обернулся. Его голос, холодный и сухой, разрезал тишину:

— Это то, на что ты променял своё будущее. Твой личный огород, который чуть не стоил нам репутации.

Машина остановилась перед главным зданием — монументальным и строгим. Дверь открылась, впуская прохладный воздух. Двое охранников слаженными движениями вытащили моё кресло, а затем пересадили меня в него. Как только я почувствовал под колёсами твёрдый камень дорожки, я инстинктивно схватился за обода. Мне отчаянно хотелось развернуться, ещё хоть на мгновение задержать взгляд на этом чудесном парке, на живой «Зелёной планете», но я не успел сделать и пол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.